

Записки осени 1919 года

М. Жукова
(фото после 1915г.)

От перелагателя *)

В семье Николая и Глафиры Жуковых, проживавших в Петрограде на 10 линии В.О., было четверо детей: Борис, Владимир, Мария и Олег.

Девичий дневник [Марии Жуковой](#) охватывает один месяц жизни 1919 года – в непростое послереволюционное время, написан карандашом в небольшом блокноте. Написан для себя, но, учитывая, что прошло более 100 лет, допустимо переложить его на машинописный формат и опубликовать как документ эпохи с точки зрения интереса к истории страны, города, школы, нравов и быта городского населения ...

Фабула переживаний, отражённых в дневнике местами сумбурно и с повторами, связана с перипетиями взаимоотношений воспитанников [школы Карла Мая](#), видимо возникших после начала совместного обучения детей обоего пола, и влияния на эти отношения авторитета взрослых.

Намеренно сохранена орфография и пунктуация, поскольку правописание в то время, по всей видимости, было несколько другое, но возможно и автор мог невольно делать ошибки. Текст, подчеркнутый пунктиром, означает неизвестное или нераспознанное слово, а также непонятную ныне "ошибку" в написании.

*) Внучатый племянник Марии – С.Жуков выражает признательность Марине Ильиной и Мурату Валиеву за бережное отношение к памяти наших предков.

Пояснения-комментарии:

1. Видимо блокнот был заведён в 1915, но записи начались позднее.
2. Это число падает на вторник, далее через день календарь дневника становится правильным.
3. Училище при немецкой Реформаторской церкви, находилось на Мойке 38, после 1914 переехало на Мойку 104 (у Н.Голландии), а здание продолжало использоваться как «34 единая советская трудовая школа» и Мария ездит в этот район (на М.Конюшенную) на трамвае;
4. Евгений Лауденбах – ученик школы К.Мая;
5. Олег – младший брат Марии;
6. Pinc-nez – пенсне (фр.);
7. Тискаться – толкаться, пробираться в толпе;
8. Мариша – видимо домработница;
9. Борис – старший брат Марии;
10. Голодай – ныне остров Декабристов;
11. Наверное Шуваловский дворец на Итальянской ул. 25;
12. Иван Жидэ – преподаватель, председатель школьного совета (октябрь 1919–1921 гг.);
13. Владимир – средний брат Марии;
14. Агния – тётя Марии (сестра Н.В.Жукова);
15. Fräulien – фройлен (нем.), фр., барышня, гувернантка;
16. Cache-nez – кошне (фр.), шарф;
17. Возможно это пианист, концертмейстер С.М.Брудинский, но скорее всего кто-то другой;
18. Прасковья Гончарова – Тётя Марии (сестра Г.А.Жуковой), певица.

М. Жукова

Мои измерения от 1915 до 1929 г.
(всего было 10 измерений)

*Мои сочиненія съ 1915-го года.
(мнѣ было 10 лѣтъ.)* ¹⁾

М. Жукова.

Понедельник

14 авг 1919.

Не знаю, стоишь ли читать или
 нет, но... я больше чем уверена, что
 каждый день актуально и, все рав-
 но не в совершенном смысле, но лучше
 чем оно где-нибудь. Вспомните, как
 много ^{вспомните} о том времени, когда
 старшие вспоминают о прошлом вре-
 мени и будущи сиречь политический
 разговор, а мы с подружками ходим
 в театры, музеи, водим поспрашиваю
 проводим время вместе в кино-
 клубе и т.д. В это же время
 я и начинаю свою первую любовь,
 правда, немножко рано (14 лет), но
 ведь я в этом смысле не виновата.
 В прошлом смысле не стоить, все
 равно оно из жизни у меня не уходит

Понедельник 14/1 го X 1919 г. ²⁾

Не знаю, стоит начинать писать или нет, только я больше чем уверена, что каждый день аккуратно я все равно не в состоянии писать, но лучше немного, чем ничего. Останется хоть ничтожный вещественный след о том времени, когда старшие вздыхают о прошлом времени и ведут скучные политические разговоры, а мы с подругами ходим в театры, гуляем, вообще постоянно проводим время вместе в глупостях и шалостях. В это то время я и испытала свою первую любовь правда немного рано (14 лет) но ведь я в этом ничуть не виновата. О прошлом писать

не стоит, все равно оно из головы у меня никогда не вылетит, а если всё выкладывать на бумагу, то никакого количества тетрадей не хватит, и до настоящего никогда не дойдёт. Скажу только одно, что благодаря этой любви меня взяли из любимой гимназии Мая, на лето послали в колонию, в Любань. Ох, эта Любань! (Мороз по коже подирает от одного воспоминания), а на зиму поступила в Реформ. училище³⁾ и второй год в 4-ый класс, потому что по немецки очень трудно. С Женей⁴⁾ я около ½ года не виделась, и не имела от него никаких вестей, только с жадностью слушала что расска-

звали о нем подруги. Но благодаря глупой выходке моего Олега ⁵⁾ сношения опять возобновились. Он сказал Жене от моего имени (что ужасней всего) чтобы он вокруг нашего дома не шлялся. Конечно пришлось извиняться. Он ответил, на голубой секретке, писать содержание не стоит, потому что можно прочесть. Пришлось опять ответить, он написал ещё, но я не отвечала, люблю я его конечно по прежнему, но не стоит начинать те отношения снова, а то ещё дома опять пойдут истерики. Теперь мой маленький искуситель (Настя) зовет меня идти в театр с Женей и со Широком, с которым

Женя очень подружился, но я весьма колеблюсь. Но картины размалевываемые Настей в очень ярких красках так заманчивы, что весьма вероятно что я и пойду. Ах, как бы я хотела видеть последствия! Теперь все наши, (Сони Глушковой, Насти Помиранцевой отчасти Гали Муратовой и мои) помыслы заняты одним. Устроить в недалеком будущем "семейный вечерок". С Женей и Широком. Символическое выражение об этом у нас такое: 4 чашки и 2 стакана. О эти чашки и стаканы сведут меня с ума, и не мудрено, ведь это будет мое первое свидание с Женей после такого ужасно громадного перерыва,

(если не считать те жадные взгляды бросаемые с балкона на вдальке виднеющихся реальную фуражку, серенькую кофточку с черным галстуком и черные брюки.) Главным образом меня интересуют 2 обстоятельства: во первых он теперь остригся и ходит без пробора (я его таким, никакими силами представить не могу) а во 2х у него очень посветлели глаза, и он страшно похудел, что я заметила с балкона. Но вдруг не удастся нам так ничего устроить. Настасия Александровна по всей вероятности перекоцует в институт, благодаря "примерному поведению". Но как будто он не очень

горюет – наверно надеется что в недалеком будущем оттуда вылетит.

На сегодня довольно, через недельку надеюсь еще раз приложиться. Не мудрено, что все полно Женей раз я об Жене только и думаю. Но я уверена что кроме этого прибавятся скандалчики с моей сварливой мамулей. Увидим.

Вторник 15/2 -го октября 1919 г.

Сегодня я видела много очень странных снов. Пишу утром, чтобы после не забыть. Самый главный вот этот. Я, Настя, кажется Соня еще почему-то Шрок гуляли в каком-то саду. Мы стали играть в пятнашки, я была очень странно

одета. Вокруг головы голубая лента финский костюм с белым передничком и вместо кушака красная лента, но иногда когда, я ее поправляла она была синей, и зеленой. Я забежала за угол, и вдруг идут [Николай Попов](#), [Василий Попов](#), я с ними поздоровалась и вдруг выходит Женя. У меня сердце так и запрыгало, я схватилась за голову, и не знала бежать мне к нему навстречу или наоборот куданибудь скрыться. В это время он меня увидел, и вскрикнув подбежал. Он схватил меня за обе руки, начал их трясти и повторять задыхаясь: "Маруся, Маруся." Он меня хотел обнять, но я отстранилась. Потом

мы стали все вместе играть в пятнашки, у меня все время сердце прыгало от радости. Потом мы встретили Покровщину она была в своей неизменной кофте с синими полосками, в синей юбке и полотняном переднике. Я за ней погналась, когда была пятной, и она, не зная куда деваться влезла на колени к одному господину. Потом все спуталось, я сама не могу разобрать что было. Жаль, что я видела Женю таким, каким он был в прошлом году с пробором и непохудевшим конечно в серенькой кофточке с черным галстуком. Я сейчас читаю Пиквикский клуб, и видела еще сон в связи с этим, сути хорошенько не

помню, знаю только что мистер Пиквик улепетывал от кого-то с маленьким мальчиком и собачкой, и как это ни странно с вареной картошкой в руках.

Почти кончаю, может быть еще приложусь. Да, у Жени действительно были светлые глаза. Скорей бы увидеть его на яву!!!

Четверг 16/3-го Октября.

Вчера я хотела записать, но не могла потому-что ключи от письменного стола я забыла когда была у Насти. Они с Соней ко мне заходили вчера после гимназии и сообщили много новостей: Во 1-х. Женю выставили из гимназии на неделю, за то что он ушел от

пилки дров, и зашел в класс за портфелем. Они его пригласили на воскресенье со Шроком, не на четверг (сегодня.) потому-что Настя боялась что не успеет прибраться комнату. Но у меня мы решили, что до воскресенья слишком долго ждать, и могут придти белые, потому что за последние дни происходили очень важные политические события. Но как сообщить? Шрок, из дружбы к Жене решил эти дни тоже не ходить в гимназию, – сегодня они наверняка не придут завтракать в школу. Решили послать с Гольдштейном к Шроку письмо. Но надо скорей прибраться комнату, а

Соне как на грех надо идти на урок рисования. Тк.кк. я после простуды еще не выходила, то мне стоило громадных усилий уговорить маму пустить меня. И то, как это мне не горько, пришлось наврать, сказать что к Соне. После обеда наконец я пришла к Насте. Я ее застала сидящей, с глубокомысленным видом, на постели, в знаменитых белых атласных туфельках. Мы повязали головы полотенцами, и началась генеральная чистка. Составили всю мебель в сторону сперва вымели пол щеткой, потом вымыли его, стащили на черную лестницу ковер и по возможности выколотили,

потом вытерли везде пыль я по своей косолапости разбила лампу, Настя сломала ширму. Содом был невообразимый!!! Наконец появилась Софья, с печальным известием что остаться она ни в коем случае не может, тк.кк. мама ей не позволила. Но все таки она помогла вытащить из соседней комнаты какую-то штуку, чтобы заставить дверь, это было не так легко, как может казаться, потому-что в той комнате был склад всех их вещей. Наконец водворили и это. Повесили портьеру на дверь, Соня поколдовала над сломанной лампой, и после продолжительных усилий, пришла к заключению что она

неисправима. Поллюбовались на письменный прибор, в египетском стиле, с пирамидами и сфинксами, и под конец Настя впала в отчаяние, что ей стыдно угощать мальчиков одними булочками, что нам ничего, когда мы не хозяйева в доме, и т.д., и т.д. Мы с Соней конечно все время смеялись над ней, и решили что это оттого, что ей хочется позвать "pinc-nez". (Это субъект в pinc-nez ⁶⁾, в которого она втюрилась) Наконец решили взять за бока Галю, чтобы она дала сахару и варенья. Эта почетная должность реквизиции продуктов была возложена на меня, да они мне сообщили интересное известие,

что Татьяна Венцея влопалась в моего обворожительного Женичку, я было разразилась нежными пожеланиями Таньке, но они мне сказали что ничего опасного нет, что ревновать глупо, но ее они очень одурачили, сказавши что Женя в нее влюбился. Женя и что-то сказал Таньке. Она зарделась как пион, и в конце концов уверилась в успехе. Несчастное создание, хотя она и очень не умна но могу искренно сказать что губа у ней не дура!

Оставив Настенку окончательно прибрать комнату мы с Софьей удалились, и я второпях забыла ключи от стола, как уже сказала. Мы всю дорогу бежали, и почти ни

о чем не разговаривали. Я пришла домой в удрученном состоянии, мне показалось что они ни за что не придут. Я стала молиться Богу, и немного надежды прибавилось. Всю почти ночь я не спала, все думала где-то я буду сегодня вечером, но под конец заснула, и увидела во сне отвратительную черную кошку с зелеными глазами, которая гонялась за мной и хотела укусить. Не знаю к хорошему или плохому !!??

Сегодня я пила кофе в кровати, потому-что маме было некогда дожидаться когда я соблаговолю подняться, и в результате поручив мне оправить все постели, вымыть посуду, и вытереть пыль (самая

моя пытка) она удалилась и я осталась одна в доме. Я честно исполнила все эти прелестные поручения, и лихорадочно трясясь залезла в буфет набрала себе добрых $\frac{1}{4}$ ф. изюму ушла к Гале. Обстоятельство с изюмом меня крайне удручает, но что сделано того не воротишь, в особенности когда изюм благополучно покоится у Насти под подушкой. Итак, я пошла к Гале, с важным поручением. Сказавши чтобы она пришла к Насте, я уже была огорошена тем, что она отказалась придти т.к. у ней рождение ее брата. Я очень жалела и уговаривала ее, но она наотрез отказалась. Не солоно

хлебавши я отправилась к Насте, так как было всего 11 часов, а в школу надо к 12-ти. Но ее уже не оказалось. Я оставила ей письмо о том что Галя не придет и об изюме, взяла ключи и отправилась во свояси. Теперь сижу у моря, и жду погоды. Завтра запишу чем окончится сегодняшний замечательный день !!!!!!!

Ура! Кошка к добру! Не завтра, а сегодня-же могу все записать. Вскоре после того как я писала, пришли Настя с такой удрученной физией, что у меня сердце упало. „Такой ужас, Маруська, хуже быть не может!“ Вот первые слова которые я от нее услышала. Мы

пришли ко мне в комнату, и она рассказывает, что оба Жени были в школе, она подозвала его к себе, (конечно моего) но он отвернулся и отошел. Она очень пристыженная ушла в шинельную. Соня же поговорила с ним, и передала чтобы сегодня, а не в воскресенье. Он согласился, и потом пришел в шинельную, и говорит: „Ну, что вы Настя хотели мне сказать?“ Она сказала: „Я призвала, ну, да все равно, можно не к 4 а к $\frac{1}{4}$ 5-го?“ „Приходите когда хотите!“ Огрызнулась Настя. Она решила что он смеется над нами, что если и придет, то с такой саркастической улыбкой, что хоть вон беги.

Ну, наконец, после обеда я отпра-
вилась. Еще никого не было. Мы
перемыли стаканы, разыскали
салфетки, и т.д. Стали раздувать
самовар, наконец уже 4 ½, а никого
нет. Мы рисуем в своем вообра-
жении картины, одна ужасней
другой. Никто не пришел, мы сидим
одни как дуры, и глядим друг на
друга, и т.д. Наконец звонок. Я
стремглав к двери "кто там?!" "Я".
Ах, этого голоса я не слышала уже
больше 5-ти месяцев. Открываю.
Шинель и реальная фуражка.
Милое, прелестное лицо, которое
я готова расцеловать! С ним рядом
Шропушка "верный искренний друг".
Вошли, сперва разговор не клеится,

вопросы что делать, как играть, повторяются слишком часто. Попробовали в чепуху, один раз сыграли, больше не стоит, в клубок сыграли, мало народу, уже к 5 ½ ч. Наконец является София. Но она не могла раньше. Мы то и дело бегаем в кухню раздувать самовар, Жени тоже, решили сыграть в правду. Я колебалась, потому-что не знала какие они будут задавать вопросы. Конечно Женя спросил "Знаете Андрея Шауба?" Про него я не писала, но из писем Жени можно узнать, это какой-то субъект, [Ванька Алюшинский](#) наврал Жене что у меня что-то с ним было. Я сказала что не знаю. Бедный

Женичка, кажется успокоился. Настя с Соней обменялись несколькими колкостями, впрочем все обошлось благополучно. Потом стали играть в жмурки, я два раза нечаяно поймала Женю, Настя даже подумала что я вижу, но я сама удивилась когда во второй раз я случайно задела за его курточку. А в первый раз я разбежалась и прямо на него. Соня попала к нему в объятия, он подумал что это я но ошибся. Он два раза принимал Соню за меня. Потом поиграли в кольца, без особых приключений, Женя старался, конечно показать свою ловкость, которая действительно делает ему честь. Потом

начали играть в мнения, но пора было уже домой, и вскоре мы пошли. У ворот они не знали в какую сторону им идти, но под конец пошли с нами. Они остались довольны этим днем, хотя сами признавались что было немного натянуто, но это 1-ый блин, а он всегда комом. Мы сообщили ему насчет Тани, хотя он и остался не доволен, но согласился ее одурачить. Я сказала что у него очень изменилось лицо, и с пробором лучше чем без. Он сказал "для вас я в следующий раз приду с пробором". Я, грешным делом, сперва сомневалась любит он меня по прежнему или нет, но при этих словах все мои

сомнения рассеялись как дым. На углу 10-ой л. к несчастью встретили Гинтера и еще одного из его класса, которые многозначительно произнесли "Лаунденбах". Женичка погнался за ними, а они, жалкие трусы, в разсыпную. Потом Соня пошла своей дорогой а мы по 10-ой л, вечно оглядываясь, как бы не встретить кого...нибудь из своих. Но все обошлось благополучно, встретили только Королькова. Потом мы прощались, Женя так мне потряс руку что мне стало очень приятно. Пришла домой, в кухне дым, мама в дыму, электричество не горит, темно, неуютно, хотя папуля наводит уют. Желая спокойной

ночи себе самой в будущем т.к. я пишу для себя. Покойной ночи!

Пятница 17/4 Окт.

Сегодня мама решила что мне надо идти в школу; разбудила она меня конечно очень поздно, и я не спеша собиралась к 10-ти. Но вышла я в 9 ½ и не смотря на это встретила в трамвае Галю Муратову с папой. Мы страшно тискались⁷⁾, приехали очень поздно, но к счастью урока не было, и мы играли в телефон, а потом начали в мнение. Гале тоже очень нравится Андреев, но мне конечно до него нет никакого дела. Описывать день страшно скучно, для меня в этом нет ничего интересного. Когда мы с Галей

вышли из школы был сильный дождь. Мы кое-как добежали до остановки, но пришлось немного подождать трамвая. Наконец влезли. Вдруг Галя кричит: "Ой, Шрок!" Я оглядываюсь, действительно, а рядом... Женя, Живой, и как будто мне в глазах мерещится. Мы поздоровались, все честь честью, оказывается они были у нас в гимназии. Женя не верит что мы их не видели, пришлось божиться. Поговорили о том, о сем, я скулила что историю преподают на немецком языке. Женя хвалил Шрока, что он с ним, и не ходит в школу, я согласилась с ним что никто бы на его месте не пропускал вместе с

Женей. Женя заплатил за нас, я ему еле-еле сунула деньги в карман, он не хотел брать, очень неудобно. Вылезли на 8-ой л. Я взяла билеты, они пошли вправо, я влево, Галя назад. Теперь я счастлива и довольна, только очень есть хочу. Придет Настя, надо будет поделиться.

А Настя то не пришла, наверно потому-что дождь, и без Жени в школе ничего интересного, для меня, не было. Да, надо опять записать удивительный сон: Мы с папой идем вдвоем по какой-то набережной, вероятно довольно поздно, т.к. темно. Впереди идут Женя с В. Поповым. Папа мне говорит: „Ну, посмотри, что в нем особенного?“

Я знаю что он совсем не хороший человек." „Нет хороший, ты его не знаешь!" „А вот я сейчас тебе докажу." В это время Женя обращается в елку, а Попов подходит к нам, и они оба старательно объясняют мне что Женя не хороший. „Вот посмотри, говорит папа, у него иглы жесткие, и темного цвета, и не смотря на осень у него очень свежий вид, когда как у рядом стоящей елки, совершенно другой вид". Попов все время тоже убеждает меня в этом. Потом они оба ушли куда-то, а я со скребящими кошками на душе стала ощупывать "Женины" иглы и разглядывать цвет их. Вдруг он обратился в

пальму, листья у него пожелтели, повисли вниз, и он рухнул и покрылся рогожей. Я печально побрела домой, все время на него оглядываясь. Но больше всего меня удивляет то, что я колебалась, правда ли что он плохой или же это глупости? Конечно, когда я проснулась таких сомнений не было. Да, я в трамвае до того неожиданно увидела перед собой Женю, что у меня прямо руки чесались пощупать его, на яву я его вижу или это призрак, как часто являющийся у меня перед глазами? Я решила что он не похудел, а очень возмужал, а глаза не то что посветлели, а как-то приняли другое выражение,

хотя, немного, пожалуй стали светлей. Жаль что он вчера был не в серой кофточке, а черной сатиновой тужурке, ну да это мелочи, и глупо на это обращать внимание. Женя вскользь спросил когда мы завтра кончим, неужели они опять приедут??? Дал бы Бог!!!! А вдруг мама прочтет дневник, тогда я пропала!

Суббота 18/5 Октября.

Сегодня я опять пришла к 10 ч. в школу, почти никого не было, мы с Галей с нетерпением ждали окончания уроков, т.к. думали что Женя со Широком опять приедут. Но кончили мы поздно, было 6 уроков, когда вышли, никого не было, было

очень жаль. Доехали без всяких приключений, после обеда я вышла в кооператив за сахаром, по дороге меня догнали две братские девочки, и сказали что о. Николая освободили и что в 5 ч. он будет служить всенощную. Не могу объяснить свою радость, я пошла за песком, к несчастью там была громадная очередь, тискались в лавке страшно, наконец вмазалась и уже в 6 ч. пришла домой, наскоро переодевшись я побежала в церковь, и действительно, пробравшись вперед я увидела высокую фигуру о. Николая, сквозь царские врата, когда он вышел, я заметила что он очень похудел. Он сказал очень хорошую

проповедь, и говорил перед Богом, что он все время там думал о народе. Встретила там Шуру Майер, она мне сообщила интересное известие что она через месяц выходит замуж. Но ведь она совсем маленькая, ей 14 лет. По дороге в церковь встретила Соню, она позвала меня к себе на завтра. Она сказала что Анька страшно допытывается о 3 ч. и 2 ст. В шинельной Женя спросил ее, сказали ли ей Соня с Настей что-нибудь или нет, а она догадалась сказать что хотят сказать. Таким образом она узнала что и Женя в этом впутан, тогда как Соня ей говорила что это их личные секреты. Жаль,

но суть все равно она не узнает. Сейчас ложусь спать, с радостью на сердце, потому-что моя главная мечта исполнилась, [о. Николай](#) *) освобожден!!!

Воскресенье 14/6 Октября.

Сегодня утром я была у обедни, встретила Галю. О. Николай сказал чудную проповедь, певчие пели очень хорошо. На обратном пути Галька меня затащила к себе, но я не пошла, тогда она стянула с меня ленту, но в конце концов отдала, и я ушла домой. Оказывается ко мне заходила Настя, и Мариша ⁸⁾ говорит что по очень важному делу, она обещала

*) Возможно это Н.Ф.Платонов – настоятель Андреевского собора, был арестован в 1918г. на две недели и на месяц в 1923г. – весьма неоднозначная фигура священника.

зайти в 1ч. Я ее ждала, но она не пришла. Я сходила в кооператив, за солью, после обеда собралась идти к Соне, уже была у выхода, когда она сама зашла. Мы пошли к ней, у нее был страшно таинственный вид. В воротах она меня не пустила на улицу, и как я не рвалась, она взяла с меня слово что я не войду. Сказав что сюда должна придти Настя она убежала куда-то. Я думала что тут Женя, но она говорит что о мальчишках в этом "секрете" и помину нет. Я ждала, ждала, наконец они обе (С. и Н.) являются, и говорят что ничего не вышло. Что не вышло не понимаю. Настя с таинственным видом

мне показывает письмо, и говорит что Женя писал им, а они ему. Я немного стала догадываться, я подумала что Женя спрашивал когда придеть снова. Но они мне так ничего и не сказали. Настя страшно злится что мы сказали Жене про рипс-pez. Потом успокоилась. По дороге я узнала, что в том секрете замешаны Сонины папа с мамой, и что меня он больше всего касается, тут уж я совсем ничего не поняла. Наконец уже у Сони, они мне сказали, что к Насте приходил [Салье](#) (какой ужас) и принес письмо от Жени, в котором он просит чтобы устроить опять. Салье все знает, что меня больше

всего удручает. Потом решили устроить у Сони, мама ее конечно была очень рада. Пошли к Жаку, чтобы он передал Шроку, но последний пришел к нему только в 6 ч. Так ничего и не вышло. Решили опять устроить в четверг, у Сони. Мы играли в квартет, с мамой, страшно хохотали и возились. После чаю, было уже темно, и мы втроем уселись на диване в гостиной и стали разговаривать. Соня говорит, и Настя тоже, что в Жене очень мало хороших черт, но что очень привлекательный, что я люблю серьезно, что в этом возрасте самая чистая, сильная любовь. Что Соня меня очень

хорошо понимает. Я тщательно разъискивала в Жене хорошие черты. Говорили о том чтобы я сделала, если бы Женю запер какой-нибудь негодяй, который делает всем очень много вреда, и через несколько времени он бы его убил, если бы я в свою очередь не убила его, без всяких свидетелей. Я не знала что бы я сделала, покончила бы с собой, или бы его убила, потом уверилась в последнем, и я твердо в этом уверена. Когда я вернулась домой, я написала франц. диктовку, повторила стихотворение, и за ужином крупно поссорилась с Борисом ⁹⁾, так что не пила чаю. Ложусь спать, а то мама

придет и увидит что я делаю.._

Понедельник 20/7 Октября.

Сегодня я опять опоздала в школу, Галя тоже в шинельной ждала окончания 1-го урока. Ничего особенного не было, за исключением того, что Андреев и Блейер в нас кидали бумажками, а мы в них. Потом я Блейера попудрила тряпкой для стирания мела с доски он за мной гонялся, и тоже хотел меня попудрить, но я его упростила оставить меня в покое, и он смиловался. Учительницу географии просили преподавать по русски, но она отказалась сославшись на то что в этом училище все предметы на немецком, а на самом деле она просто не хоро-

шо говорит по русски. Свинья! Кирсашка оставил Андреева, Блейера и Бороновского после уроков, за "благоднравное" поведение, но они благополучно удрали. Молодцы!! На обратном пути, в трамвае встретили Надежду Апполоновну, она страшно тискала. Дома пока ничего особенного не было, Настя дала слово придти, теперь с нетерпением ее жду.

Настя, по обыкновенению надула, и не пришла. После обеда я поиграла на рояле, потом читала Пикквикский клуб, на месте суда Бадрль против Пикквика, очень интересно. Потом, когда стало совсем темно, я села опять за рояль, и подбирала

всякую дребедень, очень я люблю в темноте брать аккорды и прислушиваться долго, долго – пока не замрут самые слабые звуки. Вскоре папа вернулся от зубного врача, мама отдыхала, он залез к ней в кровать, я легла на папиной, и прикрылась шубой, т.к. у нас уже очень холодно. Борис устроился на банкетке, а Владимир – на диване. И пошли у нас разговоры про белых и красных, предположения, когда они придут, и т.д. Мама охала и ахала что мы будем эту зиму голодать, папа подтрунивал, говорил что белые принесут ситного, и т.п. прелести. Я все время вспоминала телячьи котлеты с

косточками и с лимоном. В конце концов все заснули. Я проснулась уже когда все садились ужинать, даже не слышала как папа с мамой встали. За ужином были разговоры о том как нам переселиться в столовую и Олегову комнату, а всю остальную квартиру запереть. Я, лично, все свои вещи перетащу, жаль только самую комнату, ну, да ничего, по крайней мере будет тепло! По моему только корридор и ванную закрывать не надо. Ну, все равно, там видно будет. К завтрашнему дню задана алгебра, а я ничего не знаю. Странно, что сегодня нечего писать о Жене! Никаких о нем известий нету.

Вторник 21/8 Октября.

Сегодня всю ночь страшно стреляли, у нас стекла в окнах от сотрясения дребезжали. Поэтому папа с мамой решили меня не пускать сегодня в школу. Я, конечно протестовала, мама ходила насчет дров, и узнала что на улицах все спокойно, что это палили с крейсера Севастополя*). Тогда меня наконец пустили. Я пришла ко второму уроку, первым был немецкий. Опять пишу что ничего особенного не было, за английским Блейера выставили,

*) Историческая справка: во время Гражданской войны участвовал в обороне Петрограда. 20 октября 1919 года, днём, линкор «Севастополь», стоящий у Гутуевского острова, по приказу Начальника Морских сил произвёл шесть 3-х орудийных залпов с промежутками в пять минут по Красносельской возвышенности. В ночь на 21 октября по требованию сухопутного командования стрельбу повторили. Утром войска РККА перешли в решительное наступление.

по немецки (был 2-ой раз) меня вызвали читать, что я сделала едва удовлетворительно. Галя втюрилась в Андреева, он еще пока нет. Мы самые последние выкатились оттуда, из трамвая увидели Галиного брата, слезли и погнались за ним. Но не догнали, зря только измерили до малой конюшенной. Сели в 25 и поехали домой. У остановки Галя кричит: „Ой, Женя!“ „Не ври“ „Ей Богу, ну не веришь, смотри, вон он!“ Я смотрю, действительно подходит к трамваю Женя, он нас еще не заметил, когда же мы стали входить, тогда только он посмотрел на нас. Он едва-едва улыбнулся, но крепко пожал руку.

Мы долго стояли на остановке, говорили о белых, о том кого он всегда принимает за меня, о допризывных занятиях, т. е. игре в футбол, потом прошли по большому до 4-ой линии, там свернули, мы с Галей хотели пойти к Насте, но Женя отговорил. На среднем увидели Эдю Педсольда,*) он ехал домой. Поговорили с ним, я спросила как Валя, она учится в Константиновском уч. (?) со всей кампанией, Стеллой,**) Ирой Н. и Лелей. Потом пошли по 8-ой линии и большому, там на остановке немного поговорили, между прочим я ему кое-как сказала чтобы он приходил к Соне

*) Правильное написание фамилии – Петцольд.

**) Эдуард и Стелла – приёмные дети Ф.И.Шалапина.

в четверг, он еле-еле понял. Потом разошлись. Теперь я опять сижу, и жду Настю. Вернулась я домой в 4 часа, в 5-ом. Ну, конечно, отвертелась, сказавши что задержали в школе. Настя не пришла, и я решила что она нездорова. Отпросилась у папы, и пошла к ней. Действительно, она лежала в кровати, но больной ее назвать нельзя, потому-что она и вчера и сегодня после гимназии торжественно укладывалась в постель. Поговорили о том, о сем, и она мне сообщила, что Сониная мама захворала, и может быть до четверга она не выздоровеет. Да, Жене и своим пришлось все сказать, потому-что больше уже отвили-

вать не было возможности. Пришлось и их пригласить. Но Настя сказала что может быть я не соглашусь, я за это ухватилась, и написала следующее письмо: "Милые Таня и Аня, я конечно очень рада вас позвать, но дело в том что мы, Соня, Настя я Шрок и Женя, раз шли вместе, и зашел разговор о том чтобы вас пригласить. Шрок сказал, в таком случае я не приду, Женя сказал что он без Шрока не придет, и конечно сказала что я без Жени не приду, Соня – что она без меня не придет, а Настя – что без Сони. Выбирайте что хотите, или вы придете к Соне, или уж Маруся".

Потом приписала, что Таня любит Женю, и Женя к ней неравнодушен, что это нагло, и вообще у них бедных голова кругом пойдет когда они читать будут. Порисовали мы немного вензеля Е и Л, потом писали Евгений Лауденбах, а сверху Мария Жукова, потом наконец разстались. На улице был дождь, я без калош, так мне противно стало, что не хотелось удаляться в темноту от Настинного дома.

Но потом мне почему-то пришло в голову, что я обязательно встречу Женю, я в этом так уверилась, что даже удивлялась, когда походила к 8-ой линии что я его не встретила. Потом вдруг смотрю

3 фигуры, один гимназист, еще какой-то небольшой человечек и реалист. У реалиста слишком знакомая мордашка, чтобы не разглядеть в темноте. Я даже не очень удивилась а только сказала: "Это кто там?" Мальчишки отошли немного, а Женя остановился, и сообщил первым делом что они ходили смотреть на "Севастополь", как он стреляет, но ничего не было, и он нарочно пошел домой по 11 линии, т.к. чувствовал что меня встретит. Мне было это очень приятно, и я сообщила ему свои предчувствия. Рассказала ему про письмо к Т. и А., про то что Сониная мама нездорова, и что может

быть не придется устроить "сходку" у нее, тогда придется у Насти. Во всяком случае чтобы он обязательно завтра пришел в школу. Все это время у него было ужасно странное выражение лица, он все время улыбался, и как то глаза блестели, не знаю, конечно последнее мне могло показаться в темноте, но первое, и еще то что у него было определенно счастливое выражение, я ни за что отрицать не стану, т.к. это я достоверно знаю. Одним словом не Женя а прелесть!!!!!!!

Я спросила его который час, он долго возился с зажигалкой, но так и не смог зажечь, т.к. шел дождь.

Наконец мы расстались. Он два раза крепко, крепко пожал мне руку, я очень люблю когда он так жмет.

Я пришла домой страшно счастливая. Как жаль что моя мама не таких-же воззрений как Сониная, она бы тогда вполне меня понимала, я бы могла все ей говорить без утайки, и не ушли тогда бы из Мая. Но об этом не стоит говорить. Все равно не поправишь.

Да, я забыла сказать, что когда мы с Галей сегодня встретили Женю. он говорил. что в школе идут страшные интриги. и он думает что это мальчишки проделывают из зависти к нему. Не знаю, но мне кажется что

Майские мальчишки совсем не так уж жаждали успеха по отношению ко мне. Потом говорил что его мама развелась с папой, что Зоя (его сестра) живет с мамой на б л. с новым мужем, а он с отцом на Голодае ¹⁰). Я постараюсь, при случае, узнать от него подробности его семейной жизни, меня это очень интересует. Потом говорил что Нина Коростелева по слухам влюбилась в Жиральдони, но мне кажется что этого не может быть, да он и сам говорит что мальчишки врут. Потом я ему рассказывала о том что Настя дома танцует перед зеркалом и говорит стихи. Потом он жалел

страшно тех кто питается одними советскими обедами, что он не может равнодушно смотреть на этих несчастных в школе. Вот еще его одна хорошая черта! Сегодня я уверилась что он еще гораздо лучше чем я о нем думала. Насте я это уже сообщила, надо сказать еще Соничке. Зовут чай пить, иду, а то заподозрят в чем нибудь.

Среда 22/9 октября

Сегодня в школе вышла пренеприятная история. Мара Бах и Липка вообразили себе что я влюбилась в Андреева, они заключили это из того, что я передавала записки от него к Гале, и от ней, к нему. Но в них ничего особенного не было, она

писала что у ней есть автоматическое перо, которое он очень хотел иметь. А Андреев отвечал, что если не дороже 500 р то он возьмет. А эти две дуры вообразили что у меня с Анд. любовная переписка! Я взбесилась как чорт, написала что ничего подобного, что никогда этого не было, и не будет, что записки принадлежат Гале, а не мне. В конце концов я их разуверила, и повеселела. Правда, обидно, как вспомню Женю, и поставлю рядом Андреева, так сразу так тошно станет, что я была готова Андр. исколотить. Учительница рисования предложила нам идти в музей гр. Шувалова ¹¹⁾, завтра в 11 ½ дня.

Я бы очень хотела чтобы пошел Женя, но не знаю как это устроить. Там до 2 часов дня может быть передать через Настю или Соню завтра за завтраком? Попробую. Когда мы приехали на 8-ую линию, мы все время смотрели, нет ли где-нибудь Жени, но его не было, страшно жаль. Вчера вечером у нас с мамой зашел разговор такого содержания: „Мама, ты встречаешь когда нибудь Лауденбаха?“ „Иногда встречаю, но очень редко. А почему ты спрашиваешь?“ „Оттого что я его страшно редко встречаю, видела несколько раз из окна, и потом далеко, на углу, но ни разу не здоровалась.“ „А что тебе так

интересно знать?" „Мне интересно, отчего ты о нем такого плохого мнения" „Я вовсе его не знаю, и не могу быть плохого мнения." „Даже по наружности видно, он очень хорошо одевается, его серенькая кофточка с черным галстуком очень хорошенькие" „Прибавить еще папироску в зубы" „Ну чтож, Олег щенок, а он тоже курит на улице" „Никогда не поверю!" „Да, конечно наши мальчики совершенство! На самом то деле, кроме тебя их никто не хвалит" „У них не было никаких любовных историй" „В тихом омуте черти водятся. В особенности твой хваленый Боречка. Женю его мама и танце-

вать учила, когда он встречается с знакомой мамы, он всегда целует ей руку” „Теперь все матросы танцуют” „Да, а Женя не любит танцевать, он говорит что «предоставляет это фатишкам». А если бы ты знала какой он добрый, ты бы постыдилась говорить про него плохо. Он лучше всех мальчиков, которых я когда либо знала или узнаю!” „Отстань, я спать хочу” „Когда нечего ответить то уже и спать захотела”. Мне кажется что мама поняла наконец, что Женя не плохой, а со временем, надеюсь ее уверить что он очень хороший. Хотя это очень опасная игра, она

еще заподозрит и будет всюду за мной следить, и никуда не пускать. Ну, ладно, пан или пропал! Сейчас только от меня ушла Настя, она была с 4х часов, были и Аня с Таней. Они пришли за разъяснением, отчего им нельзя придти к Соне. Оказывается Настя им не передала письмо, ну я и сказала что в нем было написано. Они обе поверили, и сказали что Шрок свинья, что они никак не ожидали что это из за него. Я Таньку поздравила с успехом по отношению к Жене, так противно покраснела, и на ее глупой рожке скользнула такая торжествующая усмешка, что мне хотелось ее разорвать. Вообще

все время когда я ей говорила она отвечала „Да будет тебе, что ты пристала?“ И в этом роде. Ничего, я поведу это дело дальше. Пусть еще немного понахальничает, а потом открою ее глупые буркалы. Я ее почему-то теперь ненавижу. Я пообещала „насолить Шроку, за то что из за него их не будет“, и они с шумом и гамом ушли. Насте я знаками показала чтобы она осталась. Она мне сообщила что Соничка в постели, и ее мама тоже, но что Соня завтра встанет, и если мама до воскресенья поправится, то к ним позвать, а если нет, то придется к Насте. Настя говорит что неудобно откладывать, но по

моему если объяснить Жене причину, то он поймет и не обидится.

Завтра он не придет в музей, потому-что Настя, и по всей вероятности он тоже, не пойдут завтра завтракать. Я думаю что это ничего, потому-что если наши несчастные щенки увидят Женю, то догадаются что он для меня, а я не хочу чтобы даже знали что я в кого-нибудь влюблена. Да, Настя мне говорила мои нехорошие стороны, и я хочу обязательно исправиться. Она говорит что я Женю наверно не разлюблю, и что лет через 5, мы поженимся, но не знаю почему, мне об этом противно думать, всегда, когда придет эта

мысль в голову, я стараюсь ее скорей отогнать. Я у Насти стащила ее буа, до субботы, сегодня среда, она говорит что оно ко мне очень идет. Из за этого ей, бедной пришлось закалывать воротник булавкой, и вообще разная канитель, но я ей раньше субботы не отдам.

Четверг 23/10 октября

Сегодня пошли в школу, за мной зашла Галя. Мы поднялись наверх, литературно-художественный кружок уже собрался, мы пришли слишком поздно, но Жиде ¹²⁾ сказал что мы можем пойти и записаться. Мы вошли, но преподаватель нас поставил в неловкое положение во первых тем что сказал что нам

надо раздеться (мы были в пальто), а во вторых что надо записываться раньше. Мы ушли в шинельную, сели на окно, и ждали пока фр. Хафеберг придет, и можно будет идти в музей гр. Шувалова. Ждали долго, долго, Жени конечно не было, я его не встречала с тех пор как шли от Насти, вечером. Наконец она явилась, и мы пошли. Блейер и К^е тоже пошли. Галька делает вид что ей страшно не нравится Андреев, но так круто переменить о нем мнение она не могла. Поживем – увидим. Я ей рассказывала про вчерашнее свидание с Таней и Аней. Она от души смеялась над Танькой, но я пылаю к ней ненавистью.

Галька говорит что она на моем месте вытолкала бы Таньку вон, но ведь это очень неудобно, хотя я бы с наслаждением это исполнила. Во дворце была адская скучища сначала, но потом вещи стали гораздо лучше, и я развлеклась. Отчасти хорошо что Жени не было, потому-что там была одна картина, как Мария кормит Спасителя. Мальчишки стали переглядываться, девченки краснеть, и все не знали куда девать глаза. Мне было страшно неловко, потому-что два на меня смотрели, и потом закрывали лица руками, и не знали как им скрыться. Ну, что бы было если бы Женя был?

Пятница 24/11-го Октября.

Сегодня я опоздала, и опять встретила в трамвае Галю, мы всегда вместе опаздываем. На переднюю площадку вагоновожатый меня не пустил, а сзади висели, тогда я дала Гале книгоноску, она была на передней площадке, а сама повисла. Висела я довольно долго, но это ничего, я очень даже люблю. Жиде меня сегодня спросил стихотворение, или балладу Шиллера, мне было очень обидно, он таким снисходительным тоном спросил могу ли я ответить, может быть мне трудно, но я взялась, правда я вчера очень хорошо вызубрила. Но я очень

волновалась когда отвечала, и поэтому ошибалась довольно часто. Физик спрашивал того, кто хотел отвечать, и все поднимали руки из параллельного класса, из нашего отвечал один Фаст, первый ученик, я решила на завтра хорошенько выучить, не знаю, исполню свои добрые намерения или нет. Отпустили нас раньше обыкновенного, потому-что умер один преподаватель от разрыва сердца. Он шел с лестницы, упал, и умер. Бедный! Я носила в школу Шиллера на русском языке, там как раз было то, что нам было задано. Жиде увидел книгу и взял ее, и стал вслух читать, и он так немилосердно коверкал слова,

что я еле-еле удерживалась от смеха. Потом он объяснял смысл немецкого и сказал „Он поженил свою астру” вместо выдал замуж. Вообще, он страшно плохо говорит по русски. Я Женичку уже Бог знает сколько времени не видела, страшно соскучилась, если завтра не увижу то это будет свинство. Неужели в воскресенье нельзя будет собраться? Тогда я умру! Сегодня я пошла к Гале списывать физику, и пробыла до 7-ми часов. У нее очень смешная шапочка, если ее снять у нее получится такая форма: $\text{O}=\text{O}$ как штанишки, эти две штанишки застегиваются крест на крест впереди на

пугови, она ко мне очень идет. Ее мама обещала мне сшить такую, я завтра постараюсь принести фланельку, у нас будут одинаковые. Теперь выселяют всех тех, кто живет в угловом доме, может быть Галя тоже выселят. Она хочет придти тогда ко мне ночевать. Я бы была очень рада, но не знаю как на это посмотрит мама, она теперь стала очень не гостеприимна. Завтра Галина мама хочет придти поговорить с мамой, не знаю чем это кончится. Настенька завтра хотела зайти, не знаю зайдет или нет. Я хочу, если я конечно рано кончу пойти к Соне, узнать насчет ее здоровья, и о том

можно ли будет придти к ней в воскресенье. Оставляю Насте записку, чтобы она шла к Соне. Владимир ¹³⁾ пропал со вчерашнего утра, его оказывается командировали в Усть Ижору, следить за тем как выгружают хлеб и сахар. Он сейчас только пришел и притащил почти 2 ½ пуда картофеля, 3 ф. хлеба, и мешечек песку. Сейчас его мама старательно питает. Я даже боюсь попросить ее достать фланельку, чтобы сшить шапочку, сейчас я сделаю бархотку вокруг головы, потом начну сама искать. Потом почитаю физику. Я, думаю, что сегодня ничего достопримечательного больше не будет, кончаю.

Суббота 25/12-го Октября

Сегодня я по обыкновению опять опоздала, и опять встретила в трамвае Галю. По физике я вчера ничего не выучила, но меня он не спросил, не успел, потому-что уже был звонок. Вчера я разбиралась в маминых ящиках, искала фланель для шляпы, и нашла корсет, тем более что у меня вчера оборвались резинки от чулка, я и решила его сегодня одеть. Стянула все шнуровки, и сегодня утром его напялила. Было страшно неудобно сперва, я сидела в трамвае как аршин проглотила, потом, наконец решилась согнуться, оказывается кости его гнутся. Из за него я отказалась

от гимнастики. Опять ничего особенного не было. Андреев 2 урока подряд прогулялся из класса, Блейер стоял у стены, а старшие ученицы смотрели в дверь и смущали его. У Гальки ни с того ни с сего началась история, мы не знали как быть, потом она кое-как заколола булавами рубашку. Но учитель ее заставил делать гимнастику, бедная! Когда я пришла домой мне мама после обеда вымыла голову, как раз перед этим ко мне пришла Настя, я ей дала читать Шиллера очень душещипательное, но очень хорошее стихотворение "Детубийство". Пока я мылась, мы с Маришей рассказали маме обиняками про

корсет, но как это ни странно, она не разсердилась.

Потом Настюфонка сообщила мне весьма приятное известие, чтобы я приходила завтра к Соне!

В школе еще Галя сказала мне, чтобы я ей передала как отнесутся к тому – чтобы она приходила, или нет, но т.к. я с Соней не виделась, а она о Гале не заикается, что пожалуй ей лучше не приходить. Не знаю, как я ей это дам понять. Женя со Широком приходили к Насте узнавать, когда и где собираться. Значит Жене этого очень хочется. Сейчас я вернулась ото всенощной, о. Николай сказал хорошую по обыкновению, проповедь, а после

всенощной предлагал общую исповедь. Я этому очень рада, хотя не знаю, как я буду говеть. Боюсь, что завтра в церковь придет Женя, это было бы мне не очень приятно, потому-что церковь не есть место свидания. После всенощной я разговорилась с Маришей, и заговорили о Жене. Она тоже думает что мы повенчаемся. Но мне как то странно, и очень неприятно об этом говорить. Мама искала лакированные туфли, но никак ине могла их найти. Я хочу их завтра обязательно надеть, потому-что Настя оденет свои лакированные, Соне, Настя говорит, ее мама тоже подарила, остаюсь

я одна, и если у меня не будет, то это будет свинство! Иду, мама зовет чай пить. В понедельник уроков не будет, будут похороны того учителя.

Воскресенье 26/13-го Октября.

Сегодня я была утром в церкви, я была уверена что был Женя, потому-что после службы мама тревожно оглядывалась в разные стороны, и сказала чтобы я с ней вместе пошла домой. Но его не было. Я зашла на обратном пути к Гале, ее не было дома, и я ей оставила записку, что Соня о ней не заикалась, но чтобы она все-таки приходила, я была уверена что она не придет. Я долго возилась дома с туфлями,

какие надеть. Шел дождь и мама не хотела мне давать лакир. а хотела с серой материей, но на них уж слишком высокие каблуки, и мне бы было очень неудобно. Наконец решили мы первое, напялила ботики, и отправилась. Я пришла первая, мы поиграли в квартет, пришла еще к Любе девочка, потом, наконец явилась Настя. Мы долго прислушивались, нет ли звонка, я страшно волновалась, не знаю почему. Наконец ... звонок. Является Женя один, без Широка, он говорит что его не дождался. И почему-то он пошел опять его встречать. Он был с пробором, чему я очень

обрадовалась, потому-что без пробора у него какое-то странное выражение лица. Через некоторое время он опять явился без Широка. Но тут уж мы его не пустили вниз, и он разделся. Он был в серенькой кофточке, чему я опять очень обрадовалась. Мы сели играть в квартет, наконец явился Шрок. Женя ему погрозил задать, за то что он так поздно, потом опять засели за квартет. Вдруг звонок ... и является Галя. Она была страшно хорошенькая, по крайней мере так мне показалось. Но было совсем не плохо, что она пришла, мы кончили игру в квартет, и пошли в другую квартиру, напротив, она пустая, и

там было очень хорошо играть в палочку-воровочку, в уголки и в пятнашки. В уголках Женя мне иногда поддавался, и мы с ним часто перебегались. Да, еще до того как идти сюда мы играли в жмурки. Женя оборвал себе боковой карманчик. Что бы я дала. Чтобы этот карманчик попал мне! Но Соня и Настя говорят что это глупо, что у меня есть от Жени письма, и этого совершенно достаточно. Потом я наконец поняла, что это невозможно.

Играли в мнение. Женя сказал что я нерасцветшая роза. Потом в букет, он меня опять назвал розой. Потом было очень неудобно, Соня

и Люба звали в ту квартиру, а остальные упирались. Я поняла что неудобно, может быть З.З. ждет пить чай, а мы не идем. Наконец все пошли. Да, во время букета Женя назвал Галю сорной травой, и посоветовал выбросить ее в помойку. Галя, сразу было видно, очень обиделась. Когда пришли в ту квартиру, Ж. и Ш. не хотели идти пить чай, и их пришлось тащить почти насильно. Наконец пошли. Меня усадили рядом с Женей, я отсадила Шрока от него подальше, чтобы они не шептались. Все это время они чувствовали себя очень неловко. После чаю, тоже долго ничего не налаживалось,

перебрасывали платок, и говорили один слог, а тот кому бросили договаривал. Решили говорить колкости, Женя сказал что можно и не только колкости, и бросив мне платок сказал ми – но я не договорила, а Настя крикнула – лашка. Я ей сказала иди – а она пробурчала – к чорту.

Потом наконец решили идти в гостинную играть в телефон, это пошло на лад, но вскоре пришлось расходиться по домам, т.к. было уже без 10 м. 8 ч. Тут вышла страшно неловкая штука. Настя куда-то ушла, а я спросила где она. Через некоторое время она кричит и зовет Соню, и что-то ее

спрашивала про бумагу. Я тут никак не могла удержаться и прыснула. Посмотрела на Женю и Широка, они тоже крепятся, тогда я ушла в спальню. Туда пришла и Люба, и тоже давилась от смеха. Ее мама вышла, и пристыдила ее. Это конечно подействовало и на меня отрезвляюще, и я вышла в переднюю. Когда мы уходили, Соня обязательно просила меня зайти завтра к ней, и рассказать как и что. Т.е. выпытать у Жени и Широка где лучше, у Насти или у нее, и вообще понравилось ли им. Они сказали что у Насти гораздо удобнее, но что было сперва очень хорошо, и под конец, только

некчему было затевать чай. Т.к. мне не надо идти завтра в школу, то мы решили собраться завтра у Насте, я не знаю, как отверчусь от мамы. Я буду говеть на этой неделе, и завтра утром пойду в церковь, потом постараюсь улизнуть к Насте и застать ее еще до школы. Женя и Шрок придут к ней в 11 часов утра. Посмотрим, что из этого выйдет.

Понедельник 27/14-го Октября.

Какая я дура, прямо ужас! Никогда больше я не повторю такой глупости! Утром я встала, как будто в школу, а сама скорее к Насте. Ее я застала еще спящей. Я ее разбудила, и сообщила что она

во первых никуда сейчас не пойдет, а во вторых, что ... сейчас придут ... Женя и Шрок!!! Боже мой, что с ней стало? Она вскочила как угорелая "что, что такое? Ничего не понимаю!" Наконец я ей растолковала вчерашний наш разговор. Мы стали обсуждать, как же на это посмотрит ее сестра. Ну, потом сестра к счастью ушла. Настя побежала в кооператив, и потом мы немного вытерли в желтой комнате пыль, и стали ждать. Вдруг звонок! Я осталась за столом, не пошла встречать. Настя меня было потащила, но я категорически отказалась. Она пошла. Зовет меня, я лениво

встала, как будто меня дома зовут обедать или чай пить, в это время Женя и Шрок уже подошли. Мы поздоровались, они разделись, и сели мы все за стол. Женя предложил для начала сыграть в дурачки. Они закурили папироски, и предложили нам. Я отказалась, а Настя закурила. Это была такая ужасная картина, все они трое с папиросами и картами в руках! Прямо что-то адское! Мы сыграли раза четыре Женя, Шрок и Настя остались по разу в дураках, а Настя еще раз япутькой. Я выигрывала каждый раз. Потом стали сидеть и пересмеиваясь, я с Настей, а Шрок с Женей, придумывать во что

играть. Это длилось добрых $\frac{1}{2}$ часа. Перепробывали много игр, ничего не выходит. Тогда наконец придумали опять в жмурки, тогда наконец мы немного развеселились. Потом начали в жмурки ложками, тут уж началась потеха! Женя с завязанными глазами, но так, что он подглядывая носился за нами, а мы накидывали на него одеяла, подушки, и всякую всячину. Я один раз подвернулась ему так, что он схватил меня за косу, он с такой силой ее потянул к себе, что у меня слезы из глаз посыпались, но я что есть мочи тянула к себе, несмотря на страшную боль. Он наверное хотел меня поближе к

себе притянуть и думал что я благодаря боли, не буду сопротивляться, но не на такую дуру напал! Я пошла в другую комнату, и вычесала массу волос. Я не ожидала что он такой грубый. Шрок и тот ему сделал замечание. В другой раз я накинула на себя одеяло, и подошла к нему, он повалил меня на кровать, я стала вырываться, но он меня не пускал, наконец я еле-еле всунула ему в руки одеяло, а сама удирать. Вообще была масса таких неудобных вещей! Я никогда больше без Сони не буду с ними! Я уже дала себе слово. А то еще нарвешься на такие глупости, что потом и не

разделаешься. Потом пришла сестра и вошла в комнату, как раз когда я ощупывала Женю ложками. Она позвала к себе Настю, и сказала ей что бы она всегда предупреждала, когда будет звать к себе гостей. Но Настя говорит что она осталась очень недовольна. Ну, ладно, сойдет! Вскоре мы потом ушли. Настя и я пошли к Соне, Ж. и Ш. в школу. Но Сони не оказалось дома, и я ушла домой, т.к. пора было уже обедать. Галя ко мне не заходила, мама рассказывала как умерла бабушка, сегодня как раз ее день ангела, и мама служила по ней панихиду. Потом я мешала в кухне кашу, за обедом поскандалила с Борисом,

потому-что он говорил что я отъела половину всей пищи. Потом играла на рояле. Я выучила наизусть "молитву девы". Теперь пишу...

Я думала что завтра будет физика, и поэтому решила не идти в церковь, чтобы выучить. Но оказалось что физики не будет, и я пошла. Служил о. Николай. Вместо певчих пели молящиеся. О. Николай читал акафист Иоанну Крест. Потом сказал проповедь о том что не довольно только внешне верить в Бога. Этот вопрос меня всегда больше всего волновал. Теперь же я еще больше беспокоюсь, когда я шла домой был страшно крупный снег. Придя домой я застала маму за

подрублением платков. Мне, как это ни странно тоже захотелось подрубить. Я подрубила 1 платок, и 4 пометила. Мама мне сказала чтобы я готовила ужин, но т.к. мне был задан 1 французский, то я решила, что перед чаем папа мне продиктует. Когда зажгли электричество я, кончив метить последний платок, и накрыв стол для ужина, взяла фр. тетрадку. Потом попросила маму продиктовать. Но она начала и бросила, потому-что не сумела прочитать. Папа ушел по делам домового ком. и вернулся когда мы уже давно попили чай. У него еще было много работы, и он наверное будет сидеть часов до 2-х.

Но я этого не знала, и попросила его продиктовать. Он сразу разозлился, а мама, по обыкновению начала огрызаться: „Ну что, дрянная, я тебе говорила чтобы ты учила раньше, не послушалась, так вот теперь и не выучишь“, и т.д. Я напомнила ей что она сама не могла прочесть 2-х слов, а что я этого не предвидела, и не зная что папа уйдет, и ему будет некогда. Тогда она ударила меня по щеке со всего размаху, так что у меня в ухе зазвенело, и до сих пор горит щека. Это еще ничего, но но я не пишу разные милые щепки, из боязни что кто-нибудь из девочек прочтет, и мне же будет страшно стыдно.

Теперь мама собирается тоже
говеть. Очень жаль, ненавижу когда
она вмешивается со мной в церковь,
и напускает там на себя вид удру-
ченной невинности! Хотя, может
быть я это пишу под впечатлением
материнской ласки, не знаю! Ложусь
спать, а то еще опять мама придет,
и начнет причитать. Не забыть
бы про эту историю, и не показы-
вать дневник никому! Я теперь
думаю что не пойду завтра в
школу, потому-что я вовсе не
желаю плохо написать диктовку.

Среда 29/16-го Октября

Вчера мне не пришлось ничего
записать, т.к. когда я пришла из
школы, то застала в квартире

невообразимый содом, все перетаскивали из тех комнат в столовую и шкапную, и обратно. Мама с папой решили уже переселиться сюда. Я тоже перетаскивала, а потом зубрила физику. Но начну по порядку. Я и утром не изменила своего решения, что бы не идти на фр. урок. Я встала пораньше, и пошла к утрене. Она кончилась в 9½ ч, а фран. урок был 2-ой. Значит еще ждать 1½ часа! В церкви была и Шура Майер, посоветовала мне ждать позднюю обедню, до 10 ч. Но я решила что нет смысла, т.к. простоять я могла бы только ½ часа, чтобы не опоздать на 3 урок. И я поехала в

школу, тем более что я уже совсем не так плохо знала диктовку. И мне не пришлось раскаяться, потому что я написала совсем не так плохо, а то пропустила бы работу. Дома не было ничего особенного, кроме того, что мне пришлось здорово позубрить физику. Я сегодня ответила, кажется довольно хорошо, по астрономии тоже спросил про кометы, и про падающие звезды. Ну, это я не очень то важно ответила. Жиде спрашивал по немецки, задал 2 вопроса, ответила верно. В пятницу хочу ответить историю, а географию уж не знаю как, книги нет, в классе ничего не слушала, а она обязательно спросит,

потому-что вчера она меня вызывала, да я отказалась. Женю я не видела с того хулиганского понедельника, но я, почему-то не скучаю. Неужели я его разлюблю? Не может быть! Хотя я в нем очень разочаровалась после того как он меня так больно тянул за волосы. Вчера мама нашла у меня под подушкой его записки, и сказала что их пора сжечь, но я конечно их никогда не сожгу. Да, она повесила мой образок между нашими кроватями (мы с мамой спим в шкапной) а я ни за что не хотела. Она говорит что будет не симметрично, если он будет висеть над одной кроватью, что на него все имеют право

молиться, и что у Бочаровых тоже 1 образок над 2-мя кроватями. Я ничего не ответила, но вышла из комнаты, и почему-то разревелась. Потом, когда я ложилась спать я его сняла, и „чтобы было симметрично“ убрала его в письменный стол. Мама вошла, и когда увидела что образочка нет, позвала папу, и говорит: „Количка, ты посмотри только, девка наша не хочет даже чтобы мать молилась на образ. До слез обидно!“ И начала хныкать, хочет выдавить слезы, да не выходят! А папа ничего не сказал, только улыбнулся и говорит: „странный какой каприз, не понимаю!“ И ушел, а мама осталась с

носом. Но она все-таки велела мне его достать. Я достала, чтобы она опять не раскричалась, и сегодня утром взяла и прибила к себе над кроватью. Она мне ничего не сказала, а Мариша сказала, ну Бог с ней, пускай висит!

Сегодня я опять пошла к 10-ти потому-что думала что будет география, а оказывается была геометрия. К нам пришла сегодня Агочка ¹⁴⁾, она страшно похудела и побледнела, оказывается что она была больна. Она взяла половую щетку и ноты, я ее проводила до трамвая, и влезла вместе с ней, трамвай тронулся, а она закричала, чтобы я скорей выходила, испуга-

лась, а я с достоинством, не спеша вышла на площадку, доехала до 6-ой линии, выскочила и пошла в церковь. Сегодня была очень хорошая служба. О. Николай читал покаянный канон Андрея Кесарского. Потом сказал чудную проповедь о том что Бог не обещает нам богатства и роскоши, а предлагает нам золото, и за него он возьмет только наше сердце, и золото это Иисус Христос. На обратном пути встретила Макашку, она тоже говееет. Я ей рассказывала про школу, она удивляется, как это я справляюсь с немецким. Сейчас будем ужинать, мама говорит что я съела капусту, а я и не трогала. Она всегда

так, потом раскричится, и пойдет содом на весь дом!

Пятница 31/18-го октября.

Вот что значит уплотнение, и писать то невозможно. Вчера утром я пошла в школу, записалась в кружок любителей сценического искусства, в литерат.-драматич. Не удалось, т.к. не было вакансий. Галька пришла очень поздно, а я ждала ее внизу, в шинельной. В кружке никаких занятий не было, только выбирали председателя, секретаря и казначея. Орали страшно, так что закрыли собрание раньше чем следует. Мы с Галей поехали к ней в магазин, подождали пока кончит ее папа. Туда приходил

типичный жид. Который надул Влад. Степ. на капусте, и они там кричали. Потом мы поехали на б. Ружейную к художнику, который будет рисовать с Гали портрет. Я с удовольствием проезжала в трамвае по каменноостровскому пр. от Петропавловск. креп. Проезжая мимо Алекс. парка, я вспоминала как я там гуляла с fräulien¹⁵⁾-ами, и с Дашей, которая покупала нам с Олегом крашеные пряники. Потом созерцала сады, в которые мы выпускали белых мышей, Крюзи, где мы покупали пирожки и наконец „налево большой белый дом, 2-ой подъезд“. Как мы всегда говорили извозчику, когда подъезжали к

нашему дому, где я родилась, и прожила 9 лет. Галя говорит что это очень знаменитый фр. художник. Мы были у него в мастерской, рассматривали начатые, и законченные портреты, и альбомы. Вл. Степ. условился насчет цены (3000р.) и времени, когда он будет писать, потом так поговорили, и мы отправились домой.

Я пришла домой 4¾ ч. Но мне не попало, потому-что я упросила Галю зайти ко мне как будто за нотами (она мне давала молитву девы) и при ней неловко было делать влет. Папа замазывал окна, я подошла к нему, когда Галя ушла и шутя говорю „папуля, подари мне

3000р. знаешь что я сделаю?" А он вдруг ни с того ни с сего разозлился, закричал на меня. Ну, да это он наверно разнервничался. Он закричит, а потом сразу успокоится, не то что мама! Я не видела ни Сони ни Насти. Пойти сама не могу, потому-что как только я свободна, то иду в церковь, я сейчас говею. Сегодня в школе меня спрашивали историю, только я прямо сказала что по нем. не могу, и отвечала по русски. Нас осматривал доктор, страшно холодно. Я повздорила с Галей. Она мне написала записку чтобы я сравнила наших мальчиков с этими, а я ей ответила что это все равно что сравнивать маму со

свиньей. А она говорит что между моей мамой и свиньей небольшая разница. Я ее выругала, и не стала разговаривать, но в конце концов она попросила прощения, и мы помирились. После чаю я пошла в церковь. Там была заупокойная всенощная, о всех убитых за эти 5 лет. После о. Николай сказал проповедь о том чтобы все старались не сердиться друг на друга, и не мстить, что вдруг может теперь каждый умереть и что он скажет в свое оправдание Господу. Говорил очень хорошо. Он прошлый раз просил собрать, кто может муки, на Агнец, и сегодня говорил что собрали 1 ½ пуда.

Одной белой, черную еще не вешали. Потом говорил чтобы перед исповедью все становились рядами, мужчины по одну сторону храма, а женщины по другую. Сейчас пришла Мариша, и говорит что в Гатчине белые дают по 2 ф. черного хлеба и по 1 ф. белого. 1 ф. масла стоит 50р. Пуд картофеля 24-26. Всем домовладельцам возвратили дома, а продавцам магазины. Вот бы у нас так. 1ф. хлеба там стоит 6 р. Когда у нас он стоит больше 200 рублей. Да, в церкви я видела Шуру Майер, она говорит что у ее сестры должен быть ребеночек, что вчера она уехала в больницу, а до сих пор он еще не родился. Я ей

сказала что она сегодня очень хорошенькая, но это на самом деле правда, я ее такой еще никогда не видела. И мы часто переглядывались и смеялись. Когда о. Николай говорил чтобы мужчины стояли по 1 сторону, а женщ. по другую, она меня подтолкнула ногой, а я прыснула, так что некоторые даже оглянулись. Очень неудобно. Да, я сегодня видела ужасный сон. Как будто я присутствовала в то время, когда у Богородицы родился Спаситель. Как будто доктор тащил его какими-то щипчиками, и вытащил какой-то воблинный пузырь, и сказал: „Ах, какая жалость, один животик!“ Но потом вдруг

вылез маленький, прелестный кудрявый ребеночек, с голубенькими глазками. И мы все встали на колени, и говорили что это чудо. Прямо ужасный сон, мне прямо противно вспоминать его. Ну, кончаю, а то мне не на много хватит тетради. Женю я тоже не видела. Но я не жалею...

Суббота 1-го Ноября 1919 г.

Сегодня ночью мама дежурила, и поэтому проспала. Я поехала в школу ко 2-му уроку, но опоздала и ждала в шинельной звонка. Мы все принесли по полену, и затопили в классе печку, было чуточку теплее. За рисованием все страшно дурачились, мы с Галей

пищали, и Хафеберг нас записала. Надо было идти после уроков к Жиде. Мы его ждали, ждали, и потом ушли. Я нарисовала Эллин Спрою, вышло довольно похоже. Когда я пришла домой, мама мне сообщила потрясающее известие: ... ко мне приходили ... Валя Заиончковская со Стеллой! Я сперва не поверила своим ушам, но когда она сказала что она к ним не выходила, а разговаривала с ними Мариша, и они обещали завтра приехать, то пришлось мне поверить, потому-что мама шутить не очень то любит. Боже мой, неужели Валенька меня не забыла? Это прямо невозможно! Я рада до

безумия! Я ее совсем не разлюбила, а только немного отвыкла. Только одно мне не приятно то, что у нас теперь очень плохо, а она кажется на это обращает внимание. Я завтра хотела пойти к Гале, но теперь никуда не пойду, буду ее караулить. Но мне кажется что она низачто не придет, потому что она очень легкомысленная, и забудет. Как на зло Мариши сейчас нет дома, не могу расспросить.

Сейчас я была у всенощной, вернувшись выпытывала у Маришки все что говорили Валя и Стелла. Они придут завтра в 3 ч. Они говорили что очень хорошо что я в реформаторском уч. Мариша спрашивала

Валю, почему она не ходила, поссорилась ли она со мной или нет? Валентишка почему-то покраснела, и сказала что она со мной никогда не поссорится. Маришка нечаяно заикнулась о том, что Валя ей когда-то говорила что она меня как мать учит, но потом спохватилась и замолчала. Неужели Валька молола ей какую-нибудь чепуху? Стелла тоже болтала все время, как это ни странно. Они хотели меня ждать, но Мариша их отговорила, потому-что мама тут была в таком сногшибательном виде, что мне пришлось бы краснеть за нее ровно год. Ах, скорей бы кончились эти проклятые

большевики, и мы бы зажили
опять как раньше! Сколько за это
время пришлось страдать моей
пошлой гордости! И все больше из-
за платков и из-за мамы. Все у нас
не по человечески, все не так, как у
других! Как то на все посмотрит
Валька, наверное осудит! Хотя ни
Соня, ни Галя не осуждают, но ведь
Валю я пожалуй опять больше их
люблю. Ужасно странно. Когда я
поставлю рядом Соню и Валю, я не
знаю кого я люблю больше, когда я с
Соней, то мне кажется что я ее
люблю больше, когда с Валею, то
наоборот. А между тем это два
совершенно разных человека.
Кажется ни одной одинаковой

черты в них не найдется! Соня, я знаю, лучше, но в Вальке есть для меня какая-то непонятная притягательная сила! Посмотрим, что то я завтра запишу! Надо будет вставать в 6 ч. и идти исповедываться и причащаться.

Воскресенье 2-го Ноября.

Я сегодня спала очень плохо ночь, все боялась проспять утреню. Наконец в 6 ч. Меня мама разбудила, и я одевшись пошла в церковь. Там уже было довольно много народа, но я встала как раз около возвышения, где о. Николай должен освещать елей, и вообще производить большую часть богослужения. Все стояли рядами, чтобы священникам было

удобней помазывать елеем. Во время исповеди вошла в церковь кошка, она прошла мимо меня, в проходе дошла до солен и вернулась назад. А во время пения херувимской песни она где-то мяукала. Когда шли причащаться была страшная толкотня. Причащали 3 священника, но около $\frac{1}{2}$ всех говеющих пошли к о. Николаю, в том числе, конечно я, и Шура Майер. Макашу я тоже видела в церкви. В церкви я была с 7 ч. До 1 $\frac{1}{2}$ ч. Ничего не ела, не сидела, только когда причастилась немного присела с Шурой на стул, и сразу встала. Потом опять толкались чтобы окропиться св. водой, и приложиться ко

кресту. Бедный о. Николай страшно устал, когда он причащал то так откидывался назад. Бедный! Придя домой я выпила чашку чаю с 2-мя кусочками хлеба, больше мама не дала, сказала что сейчас обедать. У меня от голода, усталости и недосыпания кружилась голова и я шаталась на ногах. Во время чаю мама что-то сказала папе, я не расслышала что, но папа пошел сразу ко мне, поцеловал и спросил устала я или нет. Потом я привела немного комнату в порядок, в ожидании Вали и Стеллы. После обеда я их все время ждала, и ни за что не бралась. Но они конечно не пришли. Я раньше хотела завтра к

Вале поехать, но теперь раздумала, пусть она сперва ко мне приедет, и застанет дома. Ко мне зашла Галя со своей двоюродной сестрой, и я пошла к ней. Мы проводили до среднего ее тетю с Оличкой, и пошли к Гале, разговаривая о Жене, и о разной чепухе. Кстати, Галя видела через окно его на 8-ой линии, и узнала его только по лицу, она говорит это у него была совсем не его походка, и он вытер нос рукой. Потом мы с ней поиграли немного в шалости амура, поменялись несколькими колкостями, и бросили, глупо. Пошли к печке, и мечтали. Галька говорит что Валя теперь начнет ко мне

ходить. Это и приятно, и не приятно, потому-что мне негде ее принимать. Сейчас мама подошла и говорит: „Что это ты все пишешь? Я чувствую это какие-нибудь глупости. Уроки не делаешь, а пишешь, наверное дневник?“ А я ответила что я не так глупа. Ай, ай, наврала после говения. Нехорошо! Вообще я уже страшно много нагрешила. 3 раза помянула чорта, и злилась на маму. Очень жалею что сейчас не пошла ко всенощной наверно о. Николай говорил проповедь. Ну, кончаю, надо еще учить урок.

Понедельник 3/21 Ноября/Сентября.
Сегодня, выйдя на улицу, я была

неприятно поражена тем, что не ходят трамваи. Извольте ка тащиться с В.О. на м. Конюшенную, да еще с книгами, так что руки в муфту не спрячешь. На 8-ой л. к счастью увидела Галю, а потом подошла и Рая Куликова, так что хоть не скучно было идти.

Пришли мы за 5 минут до конца урока. В шинельной сидели Блейер, Андреев и бр. Бороновские с папиросками. Мы не пошли наверх, и сидели до звонка с ними. Оказывается что 1-го урока не было, и все остальные устроились вокруг печки, которую мы теперь каждый день топим. 2-го урока тоже не было, и мы очень весело

провели целый час около печки. Потом за немецким, Жиде увидел что я, Галя, Андреев и Бороновский записаны за рисование, и велел после 4-го ур. к нему зайти, за записками к родителям. Но мы, не будь глупые отправились к фр.¹³⁾ Хафеберг, и попросили у ней прощения, она конечно простила. Была гимнастика, у меня после очень кружилась голова, наверно от недоедания. Вообще я теперь страшно ослабла, не могу подняться даже на руках. После школы, после обеда пошла к Соне, потому-что я ее не видела больше недели. Она мне сказала что Валя и Стелла заходили в субботу в школу, за

Валиной чертежной доской. Так значит она только по дороге ко мне зашла, и не подумает даже ездить! Соня мне сказала еще одну страшно неприятную вещь, что она думает что Вале ее мама запретила знакомство со мной, после того, как мы ей сказали как мы ходили в театр, и как я сказала что живу на 14-ой л. А Валька тут же сказала что я лгу. Мне это ужасно неприятно, неужели же я на самом деле такая испорченная, что даже моей бывшей самой лучшей подруге запретили иметь со мной дело? Ну, Бог с ней, я к ней во всяком случае не поеду. Соня рассказывала, что у них за русским уроком [Краснов](#) читает

страшно неприличные вещи о беременных женщинах. Воображаю, Симонис, Женя, Шрок, Корольков, Гольдштейн, Жирандолейн, да все мальчишки какие рожки корчат! Слава Богу что меня там нет! А то я бы не знала куда мне деваться, потому-что Женя обязательно посмотрел бы на меня. Настя по рассказам Сони, занимается сейчас чтением Момпасана, Соня говорит что это очень хулиганский писатель, а я спросила папу, и он говорит что это очень хороший французский писатель, но что мне его рано читать. Ну, надо укладывать книги, и ложиться спать.

Вторник 4/22-го Ноября.

Сегодня первый урок был рисование, и я очень смиренно сидела, хотя я ничего не рисовала. География меня спросила, но я отказалась, она сказала что я получу 2-ку, потому-что я 3-й раз отказываюсь, но не виновата же я, когда у меня нет книги! Я ей обещала выучить ко следующему разу, не знаю ужъ какъ я это устрою. Сегодня было опять страшно холодно, старшие мальчишки выхватили у меня муфту, и мы гонялись за ними всю перемену, была страшнейшая свалка. Немного согрелась. В следующую перемену они устроили тоже самое, только стащили у

меня еще *cache-nez*¹⁶⁾, и заперли нас у себя в классе. Дали Венцель муфту разорвали, а Лиде Годер совсем распороли. Моя осталась к счастью цела. Андреев написал Дале любовное письмо, а она его разорвала. Молодец! Когда за алгеброй фр. Вельберг вызвала Блейера, она почему-то все время смеялась, и потом он поцеловал кончик карандаша, и махнул им в ее сторону. Здрóрово, нечего сказать! Было за алгеброй очень весело, я все время дурачилась, Галю от меня отсадили, я сказала что я чувствую что Галька вылетит из класса, а Лиде Годер говорит: „а Муся за ней в дорогу!“ Весь класс

смеется, и Целтберша тоже. Вообще она очень славная. Ехала я домой одна, без Гали, я повисла, а она нет. Меня сзади поддерживал какой-то матрос, я очень испугалась, он меня сзади обнял, потом поддерживал книги, советовал протолкнуться вперед, вообще очень заботился чтобы я не вылетела из трамвая. Я порядком таки испугалась. Ужасно плохо теперь ходят трамваи, напр. я поехала на №4, а он вместо Николаевского, пошел по Дворцовому, а еще потом не на В.О., а на Петроградскую сторону, а потом через Тучков мост, по 1-й линии на большой, ужасно глупо. После обеда я прочитала

физику, сделала геометрию, и только начала размышлять, идти мне к Насте или нет, как явилась Галя, и сказала чтобы мы шли. В четверг будет в 1-м реальном бал, и я ей дала померить мои белые лайковые туфли, но они ей узки, а у нее нет. Потом мы пошли к Насте. Ее мы застали сидящей в глубоком раздумьи за столом. Она подтвердила Сонины слова насчет русского, показала книгу Момпассана, действительно развратная штука! Как муж и жена проводили 17^ю ночь вместе, и как это случилось, с самыми ужасными подробностями! Противно, меня чуть не вырвало! Положим это я вру, но все таки

страшная гадость. Она рассказывала как Жак, Корольков и Корнеев охотились за черновиком, в котором она рисует голых женщин, как Шрок и Витька Алшин, ей помогли его выручить, чему она очень удивилась, и как они схватили одного учителя за рукав, и потащили его чтобы он помог вырвать у них тетрадь. Она говорит что вся зала хохотала.

В пятницу будет большевижский праздник, и у них будет спектакль, Галя пойдет, они с Настей уговаривают и меня придти, но я не решаюсь, тем более что Соня тоже не советует. Но мне страшно хочется! Но я хочу поехать к

Сереее ¹⁷⁾ в четверг, и может быть буду у него ночевать, тем более что в пятницу занятий не будет, и в субботу тоже. Значит я свободна четверг (если не считать кружки), пятницу, субботу и воскресенье. Ничего себе! Настя поехала к жене брата ночевать, мы выбрались от нее в 6 ч. И провожали на трамвае до дворцовой площади. Галя на обратном пути расплакалась, потому-что она обещала дома прийти в 5 ч. И боялась что ей попадет. Вот уж, никогда не ревела бы, хотя меня дома бьют, и то я бы отнеслась к этому не так трагически. Но потом, с большим трудом мне удалось ее разсме-

шить. Мы поехали домой, и я ей дала обещание что я зайду к ней, чтобы ей не попало. Мы строили планы, как мы будем за нее врать, и решили что мы пошли к Соне, и там танцевали у меня нельзя было, потому-что за ней легко могли послать прислугу ко мне. Но придя ей, конечно не влетело, у швейцарихи был большой пакет, который Влад. Степ. принес, и мы с Галей его потащили наверх. Меня у них усадили обедать. Жоржик ушел к Марусе Здуловой, был очень хороший обед, хотя мне было сперва очень неловко, потом ничего. Был очень густой суп, и страшно наперченное второе, так что у меня рот жгло.

Но запили кофе с ватрушкой. Я у Гали взяла ноты, чтобы списать, и ушла, сейчас зовет мама ужинать, и так очень много написала, иду ...

Среда 5/23 Ноября/Сентября 1919г.

Сегодня наконец в первый раз мама меня разбудила ровно 7½ ч. и я ехала в одном трамвае с фр. Вельберг, так что я не могла опоздать, потому-что у нее был наш первый урок. Она меня вызвала к доске доказывать теорему, я доказала правильно. Наконец нам удалось убедить фр. Спасскую, что историю преподавать на немецком яз. бессмысленно, она пошла к Жиде, просить разрешения преподавать на русском, не знаю, удастся или

нет. Я записалась на платные уроки танцев 50 р. в месяц, мама кажется ничего против не имеет, не знаю, как папа.

В пятницу нам велели всем явиться на тюремный пер. к 9-ти утра, и оттуда пойдём шествием в Смольный институт, страшная даль. Потом обратно, и домой, а потом опять к 2 ч. в школу, будет концерт, чтение стихотворений учениками и ученицами и угощение. Наверно страшно устанем. Кто не явится, того выключат из гимназии, свинство! Я нарисовала Олю Грасман, вышло очень похоже, а она говорит что есть что-то не то. Я маме сказала что я закажу

Соне нарисовать мне Женю, а она сказала: „Фу, глупая девчонка!“ Но не бранилась. Сегодня мы с Галей сговорились идти к Соне, но она не зашла, как обещала, и я осталась дома. Поскандалила с Маришкой, она сказала что скажет всем девочкам, что она ест у нас только суп. Дура! Кончаю, иду пить и спать.

Пятница 7-го Ноября (25 Окт.) 1919

Вчера я не знаю, почему я ничего не записала. Я спала до 11 часов, потому-что каждое утро надо вставать в 7½, а по воскресеньям в церковь, так что полежать совсем не приходится; мама мне и кофе в постель дала. К 12-ти я пошла в школу. Когда трамвай

пошел, вдруг выскакивает из ворот Галя, и летит за трамваем, она меня еще не видела, но потом заметила. Она пережала прицепку, и вскочила на всем ходу в мой трамвай, она была такая смешная, что я даже рассмеялась.

Да, я видела сегодня сон, будто я с Галей шла по какой-то полянке, вдалеке виднелись Блейер и Андреев. Мы направились к ним. Вдруг, от них идут Женя и Шрок. Они подошли, и Женя говорит мне: „Пожалуйста не лезьте ко мне, я вовсе вас не люблю.“ Я отвечаю, что я его даже не видела, что мне нет, в таком случае до него дела, и я иду к Блейеру и Андрееву. Потом вдруг я попала

в какой-то домик, там жила девочка, страшная уродка, в которую влюблен Женя, и она в него. Я ей хочу сказать что он ее не стоит и показываю ей все записки, которые он мне посылал. Она конечно в ужасе. Потом вдруг я стою перед мамой, она читает эту тетрадку, и поправляет орфографические ошибки. Я не знаю что мне делать, от ужаса, что сейчас будет. Но она преспокойно сказала мне чтобы я выписала ошибки и выучила, а про содержание не заикнулась даже. Странные сны, не знаю что они значат.

В гимназии сперва учили петь интернационал, потому-что сего-

дня предполагалось идти мани-фестацией всей школой пешком к Смольному, выслушать речь какогото жиды, и переть назад с пением этой песни. Жиды сказал, что кто не придет, тот будет исключен, не помню, писала я это уже или нет. Стихи и концерт отменили на завтра, т.к. вернемся очень поздно, и устанем. *) Мы с Галей решили идти сегодня вместе. Я подхожу к 8-й линии, и вижу Галину Вадим. и с кем же? ... С Женичкой! Вот так штуки! Я как угорелая полетела к ним, поздоровалась, как всегда чинно, благородно, постояли, Женя звал приходить завтра к Маю на праздник. Не знаю,

как мне быть! Надо в реформаторское, там будут давать что-то, не хочется пропустить, да и мама наверное велит, к Маю она меня конечно не пустит, не знаю, поспею или нет. Может быть попросить Володю Вебера, он продкомист, чтобы он отпустил раньше нам что там есть, и мы отправимся во свояси. Может быть и удастся, не знаю. А потом к Маю, Соня мне тоже советует придти. Мне лично очень хочется. Только, пожалуй мальчишки из 4-го будут ехидничать. (Я переняла это выражение от Жени.) Значит встретили Женю, постояли, сколько требует приличие, он извинился,

что не может нас проводить, т.к. идет на допризывку, и мы расстались. Галин папа не советовал нам идти в школу, а потом на службу Лене, там тоже было празднество, и кончится гораздо раньше, и дадут шоколад, что чувствительнее всего. Мы думали, думали, и пока думали уже было поздно идти в школу, а к Лене как раз. Ну, мы и пошли, и решили что он нам даст какие-нибудь удостоверения, что мы были там. Пришли на моховую улицу, страшная даль, она выходит на Литейный пр. Никакого Лени там не нашли, всех спрашивали, никто его не знает, публика отчаянная! Все мужичье, и

маленькие, орут, пищат, так что у меня и Гали головы разболелись. Наступил этот концерт, довольно ничего себе, в особенности балет. Потом торжественно повели в столовую получать угощение и „подарок“, в образе яблока, конфект, кусочку шеколада, какого-то пирожка с яблочным пюре, прянички, и пирожки из макорон. А „угощение“ в образе какой-то пицци с патоккой, я была голодна, и поэтому съела, но сейчас мне тошно ее вспоминать. Потом мы убрались оттуда, и рады были страшно!

Я пришла домой в 20 мин. 5-го. Сразу обедала. Потом легла спать,

*и дремала до ужина. Но странно, у меня онемел язык, я что-то хотела сказать папе, и никак не могла. Потом Владимир сказал что стучат в парадную, и на меня, почему-то напал панический страх. Сегодня больше ничего не было. Вчера был после пения интернационала кружок, поставят Шекспира «Отелло». Очень душещипательная штука. Я не участвую, Галя тоже. После обеда по пошли к Соне, они никуда не идут, там завтра концерт, и в манифестацию только кто хочет. Сейчас мама заставила меня прочесть что-нибудь, и я прочла где стоит *). Я спросила можно к Маю или нет,*

она конечно запела, что тогда опять начнется история, и она меня отправит в Любань, что это единственное спасение. Меня злит иногда ее глупость.

Жаль, что я так говорю про маму, но отрицать, что она не умна я не могу. Конечно теперь, не знаю, куда мне прятать тетрадку, очень может ее найти.

Суббота 8-го Ноября. 26 Окт. 1919

Сегодня, я распустила свои завитки, причесалась, надела синее платье и лакированные туфли, все это, потому-что решила идти к Маю. За мной зашла Галя, я еще не завтракала, а она не одевалась, и поэтому она пошла домой

одеваться, а я осталась ждать завтрак из столовой.

Когда мы обе были готовы, то поехали в реформаторское уч. Володя Вебер не мог дать нам раньше ничего, т.к. мы должны были участвовать в празднестве. Пришлось слушать речь какого то жиды, пение Иры Бах и Оли Бектобековой, они пели в 1 голос, и первой совсем не было слышно. Пели интернационал, я вместо того что Бог не даст нам избавленья пела жид не даст. Потом говорили стихи, играли на рояли, мы получили по куску ситного с вареньем и куску черного хлеба. Стоило за этим ходить! Жиде

давал билеты в театр на завтра, но мы не дождалась и ушли. Пришлось идти пешком потому что трамваю загородили дровами дорогу, пришли усталые к Маю, там нет ни души. По дороге встретили ст. Широка, он сделал вид что не замечает нас. Какой он смешной! Мы причесались в уборной, поговорили с Зиной, поднялись наверх, повспоминали, сравнивали это милое училище с ненавистным реформаторским и ушли. Боря Муратов звал нас в 1 реальное на бал. Галя решила идти спрашивать Соню, пойдет ли она, я знала что она не пойдет, так оно и вышло. Зина была не в духе, она нам

сделала замечание, что мы в калошах, хотя, это на самом деле свинство, ввалились в комнату, не сняли калош. Она нам сделала намек, что мы лишние, тем что сказала Соне что ей надо оканчивать урок рисования. Мы попрощались и ушли. Соня завтра идет в Мариинку на балет «Конек Горбунок». Если бы мы дождались в реформаторском, Жиде может быть дал бы нам билеты, и мы были бы вместе может быть в театре. Но мы пропустили Май, прогадали билеты в театр, и в добавок страшно усталые, и в реальное меня не пустили. Страшное свинство! Хотя у меня так болели ноги, что

я сама бы наверно не пошла. Галя и не заходила, ее наверно тоже не пустили. Да, у Мая была сегодня только репетиция, а представление будет во вторник. Если завтра будут ходить трамваи, то поеду к Сереже. Ложусь спать.

Понедельник 10-го Ноября 1919

Вчера я не записала, потому-что было некогда. Утром пришел Олег, когда я была еще в постели. Ну, конечно весь дом поднялся вверх дном. В церковь поспела довольно поздно. Пришла туда Галя, и сказала что сейчас она видела Женю, который шел из столовой, он говорит что записался туда потому-что думал что и я туда буду ходить,

а оказывается ходит мама. Узнав что я сейчас в церкви, он сказал что зайдет к концу, спросил Галю, когда конец, а она не знала и сказала что в 1 ч. или в 2 ч. Дура! Ну, конечно он не пришел, хотя это даже лучше, потому-что церковь не для этого. Так как Олег уже сегодня должен был уезжать, то я решила что надо свести его в театр, вчера шел в Мариинском Конек-Горбунок, и майцам дали билеты, в том числе Соне, Тане, Ане, Ваньке, Н.Попову, Королькову, Салье.

Женя опоздал и не получил билета. Узнав от Гали что Соня не взяла билетов, он страшно разозлился, говорил что „если его нет то

никто никогда ничего не сделает". Глупый, как будто Соня должна знать что я пойду, ведь бы могло случиться так, что в реформаторском нам дали! Одним слово он со Широком решили идти зайцем, я спросила папу, он, наверно ради Олега позволил идти, конечно он не знал что идет Женя, хотя и я раньше не знала. Мы с Олегом зашли за Галей, ей тоже позволили идти, хотя и знали что зайцем. Начало должно было быть в 6 ч. но придя туда, мы увидели целую толпу учеников и учениц, которые ждали у входа. Оказывается, благодаря тому, что не давали электричества, начнется в 7 ч. Я увидела

Женю, Широка, Королькова, Салье и какого-то 6-ти классника, подошла, поздоровалась со всеми, и отошла к Соне и Тане, которые тоже пришли в это время. Женя и Шрок конечно остались с теми. Потом пришел Ванька, но я с ним не здоровалась, он свинья. Они все отошли к Музыкальной Дrame, и затерялись в темноте, когда театр открыли мы их искали, искали но никак найти не могли. Пришлось идти одним, мы крутились, крутились в темноте по лестницам, спрашивали всех встречных как пройти на галерею, потому-что там были Сонины и Танины билеты. Да, Аня тоже пришла, суетилась

как сумасшедшая, говорила что сегодня меня видела во сне, и решила во что бы то ни стало завтра ко мне зайти. На диванчике в зале увидела Лиду Пауфмин с Верой Неверовой, которая сказала что сейчас только меня вспомнила, когда я спросила добром или плохим она сказала: „Конечно плохим. Ты прощай девочка!“ Я не могу выразить как я была оскорблена, неужели я заслужила такое ужасное неуважение тем, что люблю Женю? Правда, в прошлом году я позволила себе много лишнего, но неужели я дошла до такой степени, что меня в лицо так оскорбляют? Я сказала это

Соне, она меня утешила тем, что сказала что Верка хуже меня, в 20 раз, что я совсем не заслужила такое название, а она заслужила. Олег, который слышал это, сказал что не верит этому, тут я совсем утешилась, Олег, который рад меня оскорбить, и тот меня уверил что это вранье. Мы еле-еле уселись 6-еро на 3 места. Искали глазами везде Женю и Широка, наконец нашли в 1-ом ряду на галдерее. Женя все время на меня смотрел, но так довольно плохо видно, а когда он смотрел в бинокль, мне было очень неловко. Сонька все время злилась что они не с нами, наконец после долгих

совещаний, кому идти, решили что Соне и Тане, потому-что Соня самая разумная, и пользуется большим авторитетом, а Танька самая наивная и глупенькая. Я страшно волновалась, потому-что Женя вполне мог отказаться, потому-что все таки неудобно по отношению к остальным мальчишкам. Но вот Сонька с Таней прилетели, и сказали что они сейчас идут. Но как разместиться? К счастью рядом освободилось одно место, нас 8 человек, а мест теперь 4. Мы и решили, что одна будет сидеть, другая рядом с ней на коленах, а им тоже одно место, только мы сговорились, стали

разговаривать, я все смотрю в ту сторону, откуда они должны прийти, вдруг Сонька закусила губу, и смотрит так беспокойно за мою спину, я испугалась, скорее оглянулась, и как раз за собой увидела Женю, а за ним Шрока. Вот так штуки! Мы поздоровались, они не стали садиться, одно действие простояли так, но потом их еле-еле удалось уговорить. Женя сел, Шрок встал сзади, я не села рядом с Женей, с ним Галя, а я рядом с ней. Вдруг, смотрю Женя встает и дает место какой-то девчонке. Она, видите-ли, поздно пришла, и не может найти своего места. Я терпела, терпела, да под

конец и выпалила: „Скоро, вы наконец будете искать свое место?“ Она поднялась, и сейчас же убралась во...свояси, бедному Жене стало очень не удобно. Но правда, что же это такое? Мы ломали голову, как бы сесть, чтобы и им было место, теснились, и вдруг для кого же? Для какой-то оборванной курицы! Нет дудки! Олег на все это смотрел очень спокойно, однако не здоровался с Женей, и не прощался, т.е. вернее Женя с не здоровался и не прощался. Когда Женя сидел еще на своем месте, он показал Олегу кулак, но он кажется не видел. Соня и Таня говорили что напрасно я привела Галю, но мне

было бы неудобно не позвать ее, хотя и мне не очень это было приятно. Ж. и Ш. угощали нас конфетами, но мы не взяли только дали одну, прелестному маленькому мальчику, сыну театрального служителя, страшно славненький, ему 6 лет, а он все знает про Конька Горбунка, он все Гале объяснял. Я смотрю на сцену, а потом отклонюсь, и скашиваю глаза в сторону Жени, так что он не видит что я на него смотрю, а я великолепно могу наблюдать за ним. Мне страшно нравится его профиль, такой мужественный, и у него вообще очень умное выражение лица. В следующее действие я села

рядом с ним, потому-что Соня сказала что в этом ничего плохого нет. В передней он мне, конечно, держал пальто, стал Соне держать, а она глупая вырвала, и сама надела, дикарка! Она спросила его сколько давать служителю за хранение, и он сказал что никогда не дает, и ни слова не говоря подошел, и сам дал. Очень неудобно, как мы ему отдадим, мы не знаем сколько он дал, а не дать как-то неловко. В коридоре встретила Ваньку, он поздоровался, а я сделала вид что не слышала, и не ответила. Салье его сзади подтолкнул, и сказал: „Ага, ну что?“ А он покраснел, и презрительно усмехнулся. Я просила

потом Женю ему передать, чтобы он не трудился со мной здороваться, потому-что я с ним не знакома. Женя сказал что знает почему, потому-что он в кампании Салье, но Соня ему объяснила, и он сказал „плачьте вы, охота вам вспоминать?“ Потом Олег пошел с Салье, а Женя сказал „не советую вам позволять Олегу вести знакомство с таким типом как Салье.“ Я его отозвала, и увидела что у него уже папироска в зубах. Свинья, Салье ему дал. Я велела ему выбросить, и как ни странно он послушался. Сперва Ж. и Ш. никак не могли отделаться от той кампании, но потом он сказал им чтобы они шли сзади, и

они послушались, только один шестиклассник шел с ними, потому что Жене было ему неловко сказать. Но потом и этот отстал, и мы всю дорогу шли вместе. Ничего особенного не происходило, были самые обыкновенные разговоры про училище. Женя меня не провожал, во первых потому что было поздно, а ему бедняге надо тащиться на о. Голодай, и потом неудобно с Олегом. Он пошел по 8-й линии, а мы по большому пр.

Я простудилась, и сегодня не пошла в школу. Ничего дома особенного небыло, только я с мамой завела опять разговор насчет Жени. Во первых я сказала что он был в

театре, она только улыбнулась, и ничего не сказала. В это время вошла Мариша, и начала трещать что он "свистун" и смеялась. А мама сказала ей, что мы дали друг другу клятву верности до гроба, и что мы жених и невеста. Я сказала что до гроба жениха и невесты не бывает. Потом она говорила что приструнит меня. Но это все не опасно. Я ей, когда Мариша ушла, стала опять доказывать что он гораздо лучше моих прелестных братцев, и т.д. Потом мы пошли в столовую, и я сказала нарочно что с удовольствием пойду, потому-что могу встретить Женю. Он все время улыбается, но ничего не говорит, странно...

Вторник 11-го Ноября. 1919г

Сегодня прямо ужасный день. Начались мои невзгоды с самого утра, мама проснулась не в духе, и стала придираться к каждому шагу, зачем я зажгла свечу чтобы причесываться, когда не зги не было видно, почему я долго умывалась и пила чай, почему я с вечера не говорю что буду пить 2 стакана чаю, и все т.п. Придя в школу мне сообщили приятное известие что будем писать французскую диктовку, а я ни в зуб толкнуть. За мной заметно ухаживал Блейер, сделал намек что он „кое в кого влюблен, что она русская.“

Когда как все девченки у нас немки.

Не знаю, какой бес подтолкнул меня кокетничать с ним и с Андреевым, дорвалась до того, хотя я себе абсолютно ничего лишнего не позволяла во имя Жени, только была очень весела, и мы с Галей расспрашивали его кто это "кое-кто", что он сел рядом со мной, на подол моей шубы, я его стала гнать, потому-что это уже нахальство, а Андреев сказал „Жукова, зачем ты гонишь своего мужа?“ Это меня взорвало, я сказала чтобы он не забывался, и надулась. С ними я не произнесла больше ни слова, они сразу отстали. Я прямо не могу сказать как я их всех ненавижу! Я во что бы то ни

стало хочу это рассказать Жене, а то я чувствую себя так, как будто у меня совесть не чиста по отношению к нему. Если бы они, дураки знали как я их презираю, и плюю на них, они бы не лезли. Андреев сказал что и Фре~~и~~нк, в меня влюблен, жид несчастный. Если бы не стыд, я бы им сказала как я ими интересуюсь, как бы я хотела, чтобы в то время когда мне Андреев сказал ту гадость, был там Женя, вот бы намял он им обоим бока, всю бы дурь из головы вытряс! Галя тоже разозлилась. Дома опять не везло. Во первых шли домой пешком, трамваи не ходили, устала и проголодалась

страшно, еще бы до 4½ ч с 7½ утра почти ничего не евши. Я к супу себе отрезала лишний ломоть хлеба, мама раскричалась, что это не благородно, что я у них отнимаю, и т.д. когда они ели обед из столовой, ну, я не ела больше хлеба с кашей, и она кажется успокоилась. Потом учила немецкое стихотворение, за ужином опять скандал. Мама еще ела суп, я взяла поварешку, и хотела себе налить, опять раскричалась. Хотела мне налить и потом говорит: „Впрочем, наливай сама, а то еще обидишься, что я тебе не так наливаю!“ Ну к чему это? Ведь я почти никогда ничего не говорю про то что мне мама дает, когда-

как Борис вечно не доволен тем, что ему мало мама наливает. А ведь ему она ничего не говорит! А ко мне всегда придирается. Ну, довольно об этом. Мариша мне сказала что кто-то из моих знакомых говорил про меня что я дерзкая, грубая, страшно гордая, и что я увлекаю мальчишек. Кто-бы это мог быть? Она ни за что не скажет, жаль. Насчет первого и второго постараюсь исправиться, а в третье и четвертое, уже не искоренить, т.е. 3-ье, а 4-ое уже я право не виновата, теперь я почти об этом не забочусь. У меня есть один Женя, который, надеюсь, меня не разлюбит, и больше мне никого

не надо. Конечно я не монахиня, иногда ни с того ни с сего начну кокетничать, но потом спохвачусь, и перестану, так что в школе я иногда нравлюсь мальчишкам, а иногда на меня не обращают ни малейшего внимания. Жаль что так мало осталось места в книжечке, я ее так люблю!

Среда 12-го Ноября. *Э*

Сегодня у нас в комнате было страшно тепло, и тут спал папа, сегодня меня не разбудили, потому что у меня сильный насморк и мама не пустила к 9^{ти}. Пришла к 3^{му} уроку, но его небыло, и сидели так. Галька мне сообщила что она не проронила с Андреевым и

Блейером ни одного слова, только 1 раз назвала Андр. дураком. Они от нас совсем отстали. Блейер немного что-то начал, а я ему послала записочку, в которой не написала ни слова, только нарисовала *Э.Л.* Он думал, думал что это значит, да так и не додумался, он меня спросил, а я сказала пусть думает что знает. Так ничего особенного небыло, за физикой только Триумфов говорил много душещипательного, ну да в такой компании и это не так чувствительно. Вот Андреев с Блейером говорили друг с другом, и мы с Галей слышали слово менструация. Чорт знает что такое. Они заметили что мы

слышали, и нам стало еще неудобней. Мы теперь сзади них сидим, чтобы дальше от окна. Я сегодня видела во сне Женю, не очень интересно, я у него просила чернильницу, а он не давал. А вот Галька видела адский сон: будто я живу у них, и мы спим все в одной комнате, и я, и Галя, и папа с мамой, и Жоржик, Леня и Боря. Вот мы все легли, она пошла в столовую, и вдруг видит что пришел Женя. Она его позвола к нам в комнату, и я вышла в одной рубашке. Он немного смутился, а Галя говорит „ничего, мы свои люди!" Потом ткнул ее маму кулаком в бок, потому-что она сказала что мы ей мешаем спать,

и тогда он велел Гале передать Марише, чтобы она принесла что-то на подносе, что не знаю. Все страшная чепуха. Мы с Галей решили что сегодня встретим Женю, но конечно не встретили, как ни смотрели во все стороны на 8^й л. Я сегодня пошла к Насте, узнать как ее здоровье, потому что у ней было 40° темпер. теперь она поправляется, но все еще в постели. Она за что-то зла на Женю, и хочет ему подложить свинью. Она подбила меня сказать ему что я влюбилась в какого нибудь Андреева, но я отказалась. Она говорит что я ему дала слишком много воли, что она уверена что дома весь день

танцует с Диной Карасик, и что он вовсе не хороший. Одним словом она во мне разожгла ревность, но не очень сильно. Мы с Галей хотели все рассказать Жене про приключения с Блейером и про ЕЛ. Но Настя говорит что это последнее лишнее. Теперь я тоже так думаю. Нельзя быть с мальчиком слишком откровенной, ведь я еще не могу хорошо узнавать людей, и может быть он надо мной смеется. Хотя я уверена что в Жене я не ошибаюсь. Правда, в нем есть много плохого, но хорошего несравненно больше, и это слава Богу! Одно я ясно вижу, что он умеет иногда быть артистом. Это его письмо о том что он обо мне страшно скучает, но что

Настя и К^о его "немного развлекают", конечно слишком театрально, я этому не поверила. Ну, Бог с ним, у каждого есть свои недостатки, и я не лучше наверно. Сегодня мама меня почему-то назвала когда я вернулась из школы милой. Не понимаю почему. Вообще она сегодня не бранится, только утром, и то немного. Странно. Я Насте сдуру сказала что мы обанкротились, она поняла что мы голодаем, очень неприятно. Но если она вздумает меня чем нибудь угощать, то я конечно ничего не возьму. И скажу что мы вовсе не голодаем. Я одного только боюсь, это того чтобы не распухнуть, во 1^х я буду тогда страшной

уродиной, а во 2^х все будут знать что мы не того. Поэтому я стараюсь меньше пить, и есть серу. Ну, Бог даст все пройдет благополучно, и я не опухну. Когда шла от Насти, я была уверена что встречу Женю, и т.к. было темно, то я оглядывала каждого встречного, но никто не встретился. Да, я сегодня совершенно случайно нашла Валино письмо, в котором она пишет чтобы я остерегалась Жени, что он для меня опасен, и чтобы я ему не давала воли, что он меня тогда разлюбит. Странное пророчество, от ветренной Вали, но довольно глубокое, но не знаю насколько правильное.

Суббота 15⁻²⁰ Ноября.

Я в четверг утром решила ехать к Сереже, т.к. я с ним очень давно не виделась. В 11 ч. мы пошли с Олегом в столовую завтракать, я думала что встречу Женю, но потом забыла что четверг, и решила что он в школе.

Мы позавтракали, потом я случайно оборачиваюсь назад, и вижу реальную шинель и фуражку, так часто бросающие меня зря в жар и холод. Но теперь не напрасно, сзади меня стоял Женя, и пристально на меня глядя чуть-чуть улыбнулся. Я встала, поздоровалась, поговорили о незначительных вещах, я передала что Настя на него зла, и собирается подложить ему шпильки,

он отнесся к этому очень хладнокровно, но не зная за что она злится, да и не мудрено, когда она и сама не знает. Потом попрощались. Олег соблаговолил тоже поклониться, и мы ушли. Я села на 8-м №, и поехала к Сереже, Олег отправился к Леви. Дома у Сережи я застала одну Анна Матвеевну, сходили в столовую, помогла ей кое в чем, и вскоре пришла А. Н. Она мне сообщила что как раз вчера Сережа нас вспоминал, и сказал что соскучился по мне. Ага, значит он меня больше всех любит! У них ничего особенного небыло, пришел в 4 ч. Сережа, он мне очень обрадовался. Он отпустил себе бороду, стал такой

чудной, на себя не похож. Он пообедал, поспал, попил чаю, и опять, бедный, на завод до 10 ч. вечера чтобы получить 1 ф. хлеба. Он страшно изводится, и выглядит неважно. Мы легли довольно поздно, я спала не очень хорошо, а на следующее утро встали рано, так что я не очень то выспалась. Вчера А. Н. пришла только в 4 часа, я опять сходила в столовую, готовила с А. М. обед, прибрала комнаты, вымыла чайную посуду, выучила французское стихотворение, и принялась читать Евангелие Толстого. Часть его я не поняла, потому что эта книга написана глубоко философским языком, но часть

меня очень взволновала, вообще меня очень тревожит теперь все что касающееся Бога. Потом принялась за 17^ю русскую царицу; замечательно интересная книга, Сережа ей сейчас увлекается. Да, рядом соседи не могли попасть домой, т.к. их жилища унесла ключи, и они пришли погреться к А. М. Вот потешные люди! Настоящие русские мужики. Их жилища уже сколько раз их так оставляла, а они переносят почти безропотно, только она сказала: „ишь, царица, все ей на холоду, каждый день мерзнут, и каждый день я ей говорю чтобы к Матвеевне занесла, ишь модная такая, не может!“ Потешно страшно они

с А. М. перемывали косточки всем соседям. Вот настоящие русские кумушки. Меня очень занимало их судачество. Тут, дома этого не услышишь! Когда пришла А. Н. мы сели обедать, и Сережа сразу пришел. Он рассказывал как он в Москве раз попал на извощичью свадьбу, вот потеха, и попал он шафером, только из-за того, что у него былъ мундир студента. Его приняли прямо как какого-нибудь обер-маршала, с почетом. Он открыл бал в наемном зале, с невестой, когда никогда в жизни не танцевал вальса, наступил ей на ногу, покрутил, покрутил ее, да и бросил. Он думал что извощик сейчас начнет драться, но он его

так сердечно благодарил, что и Сереже показалось что он сделал много добра. Вот потешно, оркестр состоял из 3х гармошек. Теперь в Питере, да и в Москве тоже наверное такой истории никогда не случится. Сережа меня оставил еще ночевать, а сегодня утром я поехала. До Нарвских ворот шла пешком, потому-что трамваи там ходят страшно редко. Меня навьючили громадным мешком овощей, в трамвае тоже очень тискались, и очень устала. Да, в четверг вечером мама отвезла Олега в Любань. Сегодня утром вернулась, устала.

Владимир уезжает на неделю в Царское Село по службе,

нес много продуктов. 5 ф. пшена, $\frac{1}{3}$ фунта сливочного масла, 15 ф. хлеба, я привезла от Сережи много овощей. Сегодня был Сережа, потому-что не видел наших Бог знает сколько времени. Я его страшно люблю, больше всех родственников теперь. Вообще я очень любила тетю Пашу,¹⁸⁾ прямо не верится что она умерла. Мама дала ему пено, и 1 ф. кофе. Я очень люблю когда она что нибудь дает. Была у всенощной, о. Николай просил принести коврик, но наша семейка конечно не откликнется. Кончаю, а то мама торопит спать.....

лес инов продуров. 5 гр. нуну,
 $\frac{1}{3}$ гурга сибора. моча, 15 гр.
милда, и прудиза оф березы
инов олеза. Бродас бме березы,
нотану-рфо не буде ланна
фор граф сибора брассени,
А ер сиреино лобно, бачне
лсаг продуровинов мнере.
Панне и оент лобна рето
панну, примо не бериза рфо
ом гурга. Мана даче
вну рено, и 1 гр. кофре, и оент
мобно нурд бме рфо мбур
доеф. Бме у берозубов, о. бме-
неча пресеи прудиза кобурга,
но ланга сибора мочако не
откиккелет. Кован, а мн
мана муронну снабтсеи.

1926z.